

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРСТВА В ИНДИИ

Е.В. Круглова

Кафедра политических наук
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10а, Москва, Россия, 117198

В статье предпринимается попытка изучения феномена лидерства в Индии, которая учитывала бы как его объективные, так и субъективные факторы. Автор приходит к выводу, что поведение лидеров и последователей во многом определяется их принадлежностью к разного рода первичным аскриптивным группам. Отношения между ведущими и ведомыми строятся по принципу «патрон-клиент», когда разного рода ресурсы и покровительство со стороны первых обмениваются на политическую поддержку со стороны вторых. Один из главных элементов ситуации, в рамках которой разворачивается процесс лидерского взаимодействия, — вертикальная и горизонтальная фрагментированность общества, в котором одновременно присутствуют как традиционные, так и современные слои, а также ячейки кастового, религиозного и этнолингвистического характера. Подобный дуализм, как представляется, отвечает интересам индийской политической верхушки, так как предоставляет большие возможности для политической мобилизации.

В настоящее время теоретические и практические аспекты лидерства достаточно широко обсуждаются как в научной, так и в публицистической литературе. Исследователи расходятся во мнениях относительно сути данного феномена и порождающих его причин. Сторонники так называемых волюнтаристских концепций рассматривают лидерство как личностную характеристику, атрибут значимости человека, который становится лидером в силу обладания некоторыми качествами, выгодно отличающими его от прочих людей. Приверженцы ситуационных теорий считают, что лидерство вызывается к жизни стечением объективных обстоятельств и является производной от ситуации. В рамках теории конституентов феномен лидерства объясняется через последователей и трактуется как функция группы. Наконец, существует взгляд на лидерство как на инструмент достижения цели, результата. При таком подходе во главу анализа ставится программа, которую субъекты лидерского взаимодействия намерены претворить в жизнь [11].

Совокупность вышеозначенных интерпретаций позволяет увидеть разнообразные стороны политического лидерства, однако еще не дает его целостной

картины. Для всестороннего, комплексного изучения данного феномена необходимо учитывать как его субъективные, так и объективные факторы. Соответственно, рассматривая политическое лидерство в Индии, мы будем обращать особое внимание на такие его составляющие, как личности лидеров и их последователей, социально-экономический и политико-культурный контекст, в рамках которого между ними осуществляется взаимодействие, а также круг задач, на выполнение которых это взаимодействие ориентировано.

Следует сразу отметить, что индийское общество далеко не так «заряжено» на успех и лидерство, как, скажем, американское или, с некоторых пор и в некоторых его сегментах, российское. Как представляется, объяснение этому нужно искать в особенностях исторического развития Индии, ее социальной организации и политической культуры. Цивилизационное ядро индийской культурной традиции составляет индуизм, приверженцами которого являются более 80% населения страны [1]. Помимо индуизма, индийцы исповедуют отпочковавшиеся от индуизма буддизм, сикхизм и джайнизм, привнесенные извне ислам и христианство, а также пришедшие из глубокой древности анимизм и тотемизм. В связи с тем, что эти религиозные меньшинства формировались преимущественно путем прозелитизма или же подверглись влиянию социально-культурной традиции индуизма, многие нормы и ценности последнего свойственны и им. Так, несмотря на конституционную отмену, повсеместно распространенным остается деление общества по кастовому признаку (1). В Индии элементы кастовой системы наблюдаются даже у христиан, мусульман, парсов и сикхов — то есть представителей конфессий, которые в отношении подобных принципов и идей занимают очень жесткие позиции. Например, известны случаи недопущения браков между выходцами из семей, принявших эти религии достаточно давно, и новообращенными — на том основании, что последние в сравнении с первыми обладают низким ритуальным статусом [4, 27.09.05].

Принадлежность к касте, с точки зрения индийца, не является следствием слепой игры случая. Она задается кармой — суммой злых и добрых дел каждой индивидуальной души в процессе ее перерождений, реальность которых не ставится под сомнение большинством местных жителей, какого бы вероисповедания они ни придерживались. Хорошая карма гарантирует удачное появление на свет — брахманом или князем, пользующимся всеобщим уважением и почетом; напротив, скверная карма ведет к ухудшению положения индивида — вплоть до превращения его в раба, «неприкасаемого», а то и вовсе животного или насекомого. Каста определяет дхарму человека — свод общих правил, регламентирующих его веру и поведение. Неукоснительное исполнение дхармы, то есть жизнь в строгом соответствии с данным от рождения социальным статусом, наращивает положительный потенциал кармы и обещает более высокое общественное положение — правда, лишь с новым перевоплощением [12. С. 54—55]. Подобные представления накладывают серьезные ограничения на проявление лидерских амбиций со стороны представителей низших и средних каст, не говоря уже о так называемых «неприкасаемых», самых бесправных группах индийского населения, которые вообще находятся вне кастовой системы. Эти

ограничения носят не только внешний, но и внутренний характер. С одной стороны, любые устремления как-то возвыситься над ситуацией жестко контролируются и даже подавляются обществом, а с другой, большинству выходцев из средних и особенно низших слоев и в голову не придет претендовать на что-то, не соответствующее их ритуальному рангу и социальному статусу. Средний индеец вполне удовлетворен своей жизнью, как бы тяжела она ни была. Этим во многом объясняется порой вызывающая удивление общественная стабильность. Страшно даже представить, что может произойти, если в миллиардной Индии, где едва ли не треть населения продолжает жить за чертой бедности, массы вдруг начнут претендовать на ту долю ресурсов, которая, с точки зрения какого-нибудь избалованного либерально-демократической риторикой европейца, принадлежит им по праву. Однако кастовое сознание сглаживает социальные противоречия. К тому же наличие огромного числа каст (по некоторым оценкам — до 15 тысяч!) разобщает местное население: кастовая идентичность у него превалирует над классовыми интересами, и потенции для масштабного бунта исчерпываются.

В политическом процессе проявления кастового сознания наблюдаются довольно часто. Так, формальное предоставление далитам (бывшим «неприкасаемым») равных со всеми прав и попытки некоторых из них этими правами воспользоваться до сих пор вызывают ожесточенное сопротивление со стороны высоких и особенно средних каст. Далитам запрещают пользоваться общими источниками воды, принимать пищу вместе с прочими членами общины, посещать храмы [см., напр., 2, 11.07.06; 16.06.06; 31.05.06; 10.07.06]. В прессе появляются сообщения о том, что президенты деревенских панчаятов (2) — далиты, избранные на эти места по квоте, в ходе собраний вынуждены сидеть на полу, в то время как все остальные члены советов — кастовые индусы — располагаются на стульях. При этом выборы в подобные, «зарезервированные», советы не проводятся десятилетиями — кастовые индусы не могут свыкнуться с мыслью о том, что возглавлять панчайт будет «неприкасаемый». Далитов избивают, уничтожают принадлежащее им имущество, даже убивают — и все это при полном попустительстве полиции [см., напр., 2, 11.07.06]. Особенно страдают те, кто сумел хоть немного вырваться из крайне бедственного положения, в котором находится подавляющее большинство представителей этого социального слоя. Однако обращает на себя внимание и такой факт: большое количество мест, зарезервированных за «хариджанами» (3) в учебных заведениях и разного рода административных органах, остаются незанятыми, т.е. далиты просто не пользуются предоставленными им государством правами. Похожая ситуация и со средними кастами. Не так давно в Индии активно обсуждался вопрос о резервировании за ними 27% мест в центральных ВУЗах. Этому всячески противились представители высоких каст, которые привыкли иметь свободный доступ к образованию. На уровне многих штатов законы о предоставлении выходцам из средних каст разного рода квот на службе и в университетах приняты достаточно давно, однако и здесь значительное число мест остаются вакантными, а если кто и пользуется плодами политики резервирования, то это так назы-

ваемая «кремовая прослойка» — т.е. наиболее продвинутые представители средних слоев. Безусловно, тому есть и вполне объективные причины экономического характера, однако особенности местного менталитета также должны быть приняты во внимание — люди не желают нарушать дхарму, претендуя на несоответствующие ритуальному рангу права и привилегии.

Выработке и закреплению комплекса врожденного превосходства у одних и приниженности у других, гораздо более многочисленных, слоев населения способствовала и традиционная индийская община, издревле служившая структурообразующим и организующим началом индийского общества. Она представляла собой сложнейшую систему взаимного обмена услугами между различными социальными группами и охватывала практически все стороны жизни: производство, распределение, бытовые и культовые отношения. Каждая группа выполняла свои, строго очерченные, раз и навсегда определенные функции, соблюдение которых находилось под неусыпным контролем общины, а нарушение наказывалось. Чем выше был статус группы, тем большим объемом услуг со стороны остальных членов сообщества она могла воспользоваться. Статус определял и оплату труда, а также санкции за неправомерное поведение. Вместе с тем, как указывает А.А. Куценков, эксплуататорская сущность такой системы прикрывалась сетью патриархальных отношений. Находящиеся на вершине социальной пирамиды выступали по отношению к низам в качестве отцов-покровителей, в обязанности которых входили защита своих подопечных, помощь в период невзгод, устройство их браков. «Эти отношения, связывая семьи различного статуса на протяжении жизни многих поколений, рождали порой глубокие человеческие привязанности» [12. С. 51]. В общине каждый знал свое место и роль, причем все были удовлетворены этим, ибо место в жизни определялось кастой, а принадлежность к данной касте — кармой. Другими словами, все определялось высшим законом этической справедливости, согласно которому каждый должен нести свой крест [8. С. 173]. В наши дни община в Индии начинает распадаться, но процесс этот идет медленно. Пережитки древней системы проявляют себя в виде повсеместно господствующих патронажно-клиентных отношений, которые представляют собой личностные связи между индивидами или группами индивидов, основывающиеся на обмене экономических или властных ресурсов, которыми обладает патрон, на политическую лояльность клиента.

Британские колонизаторы также внесли свою лепту в процесс воспитания чувства неполноценности у широких масс местного населения. Колониальное управление повсеместно было чрезвычайно иерархичным, патерналистским, авторитарным и в этом отношении мало чем отличалось, а иногда и превосходило по жесткости традиционные доколониальные восточные политические системы [9. С. 123]. В Индии это проявилось особенно выпукло, поскольку здесь политическая администрация издревле была слабой, а государственные образования кратковременными. Индийское общество, жившее по законам саморегулирующихся кастовых принципов и общинных норм, не очень-то нуждалось в сильной государственности: общинно-кастовая система выступала как вполне эф-

фактивная альтернатива слабой политической власти, а ее внутренние законы с успехом выполняли политико-административные функции [8. С. 161].

Вместе с тем было бы неверно утверждать, что политического лидерства как постоянного приоритетного и легитимного влияния одного или нескольких занимающих властные позиции лиц на все общество, организацию или группу в Индии вовсе не существует — хотя бы потому, что у представителей высоких каст соответствующие умения и предрасположенности также вырабатывались тысячелетиями. Индийский массовый избиратель по-прежнему привержен представителям знатных родов — раджам и махараджам, которые активно участвуют в политическом процессе. Лидерами большинства общенациональных партий являются брахманы. Вполне естественно, что между руководителями и руководимыми возвышается настоящая китайская стена, никакой внутрипартийной демократии не наблюдается. Это в равной степени относится и к Индийскому национальному конгрессу (ИНК), и к его главному оппоненту — Бхаратия Джаната Парти (БДП), и, что особенно интересно, к коммунистам. Коммунистические партии в Индии вообще отличаются своеобразием: вот уже более 30 лет их коалиция безраздельно правит в Западной Бенгалии, и с переменным успехом — в Керале и ряде северо-восточных штатов. Главной опорой левых, по крайней мере, в Западной Бенгалии, выступает сельскохозяйственный пролетариат и национальные меньшинства. Оказывая внешнюю поддержку правящему в центре Объединенному прогрессивному альянсу во главе с ИНК, коммунисты неустанно критикуют его за либеральные экономические реформы, однако во вверенных им штатах проводят аналогичную политику. В частности, в той же Западной Бенгалии они активно открывают свободные экономические зоны, запросто сгоняя с плодородных земель местных крестьян [см.: 3, 09.01.07; 15.03.07; 10.08.07].

Впрочем, в настоящее время состав политической элиты не вполне однороден. На протяжении десятилетий независимого существования Индии он значительно менялся. Еще двадцать-тридцать лет назад, чтобы стать видным политиком в Индии, кроме определенных личных способностей, необходимо было обладать высшим кастовым статусом, унаследованной собственностью и знанием английского языка. Наличие только одного или отсутствие всех этих качеств не оставляло никакого шанса на успех [12. С. 58]. Однако по мере экономической модернизации, роста общественного сознания, политизации населения, произошедшей не без влияния со стороны самого ИНК с его масштабными пропагандистскими кампаниями времен правления Индиры Ганди, а также неспособности Конгресса решить наболевшие социально-экономические проблемы на арену политической жизни Индии постепенно стала выдвигаться элита средних каст, а позднее и их социальных антиподов — далитов. Эта новая элита располагала определенными «банками» голосов, которые могла предложить партиям т.н. мейнстрима в обмен на включение в состав их органов управления и предоставление постов во властных структурах. В принципе, такой вид «торговли» голосами «своих» общностей практикуется и сейчас. Например, значи-

тельная часть далитских каст до сих пор поддерживает Конгресс. Однако в последнее время многие лидеры традиционных групп предпочитают создавать собственные, пусть даже малочисленные, партии и «торговаться» уже на качественно ином уровне. В избирательной гонке может участвовать до нескольких десятков партий. Например, на состоявшихся в 2006 году выборах в южном штате Тамилнад их было 36, причем семнадцать относились к категории «зарегистрированные непризнанные» («registered unrecognized») — то есть прошедшие процедуру регистрации, но слабо выступившие в ходе предыдущих кампаний (4). Безусловно, в одиночку подобные организации не могут всерьез вмешаться в процесс распределения власти. Однако, взятые вместе, они способны отобрать солидную часть электората у более крупных игроков, что приобретает особое значение, когда перед началом кампании ни одна из общенациональных или «штатовских» партий не обладает существенным перевесом. Это вынуждает их искать поддержки у «маргиналов», а те, в свою очередь, весьма охотно «продают» голоса своих последователей, зачастую проявляя полную беспринципность и легко меняя союзников. Впрочем, с точки зрения самих последователей, ничего аморального в этом нет: преданность клике важнее, чем преданность партии или коалиции, а традиционные связи сильнее новых.

Коалиционный принцип ставит власть в центре и на местах в зависимость от прихотей и капризов подчас малочисленных политических групп, делает ее неуверенной и неустойчивой. Правительственные кризисы последних лет в Индии были вызваны исключительно интригами руководства партий, входивших в состав правящих коалиций. В выигрыше, как правило, оказывается тот игрок, который сумеет наиболее грамотно распределить куски властного и ресурсного «пирога» и удовлетворить тем самым интересы как можно большего числа коалиционных партнеров. Если принять во внимание пресловутое индийское многообразие, задача представляется отнюдь не легкой! В 2004 г. ее удалось решить Конгрессу и не удалось — БДП. Число голосов, поданных за ИНК, по сравнению с предыдущими выборами, которые он проиграл, сократилось на 2,4%, однако он сумел привлечь на свою сторону 12 партий, и в итоге возглавляемая им коалиция одержала победу. БДП, напротив, сохранила только 9 из 24 прежних союзников, и строящийся вокруг нее Национальный демократический альянс потерпел поражение [5. С. 498].

Таким образом, можно утверждать, что состав политической элиты Индии в настоящее время значительно расширился за счет выходцев из каст среднего и даже низкого ритуального ранга. Процветающие члены общины берут на себя роль покровителя, организатора своей группы, наличие которого повышает ее самоуважение, прибавляет уверенности. Говоря об элите далитских каст, индийские политологи отмечают: даже если от ее политических успехов «выигрывает только часть общины (как правило, сама верхушка), эта часть играет важную роль в поднятии морального духа своих сограждан, помогает сбросить груз, который стал частью их психики» [цит. по: 12. С. 59—60]. То, что благополучие «кремовой прослойки» никоим образом не распространяется на основную массу

рассматриваемой категории населения, как правило, не вызывает нареканий — ведь главное, что кто-то из «своих» поднялся по ступеням социальной лестницы. Роль «локомотива» делает элиту предметом гордости общины, обеспечивает ей авторитет и свободу действий, в странах зрелой демократии просто немыслимые. Однако ошибется тот, кто предположит, будто основная масса далитов выступает за искоренение кастовой системы или же улучшение своего действительно тяжелого экономического положения. Скорее, бывшие «неприкасаемые» настаивают на повышении собственного социального статуса в рамках традиционной иерархической системы. Не случайно самые ожесточенные протесты и горькие жалобы со стороны «хариджан» вызывают осквернения статуй их лидеров, преступления против женщин или же учинение препятствий брачным процессиям [см., напр., 14].

Очевидно, что при существующем многообразии групп интересов, уровней политики и политических субкультур в Индии не может быть некоего универсального типа политического лидера. Каждый социальный слой, каждая социальная группа предъявляют к лидерам свои требования. Крупный бизнес, верхушка «среднего класса», вестернизированные городские слои отдают предпочтение лидерам-реформаторам, сочетающим высокий профессионализм, деловитость и современный взгляд на жизнь [12. С. 61]. Но в масштабах Индии руководствующие такими взглядами составляют меньшинство, к тому же, по данным печати, их интерес к политике падает, а участие в выборах снижается. Весьма показательно, что нынешнему премьер-министру страны Манмохану Сингху, вроде бы отвечающему всем вышеперечисленным требованиям, ни разу не удалось победить на выборах в нижнюю палату парламента, т.е. в ходе прямых общенародных выборов. Основная масса рядовых избирателей предпочитает видеть в качестве своих лидеров земляков, авторитетных и основательных собратьев по племени, религии, касте. В сельской местности, где еще очень сильны общинные структуры, основным фактором политического выбора зачастую служат указания старейшин и руководителей панчаятов. Тот факт, что уровень явки на местах нередко превышает 80%, свидетельствует не столько об особой сознательности или активности электората, сколько о колоссальных мобилизационных возможностях, которыми располагает индийская верхушка. Таким образом, привнесенные извне современные политические институты не только не способствуют исчезновению традиционных социально-культурных комплексов, но даже влияют на их консервацию.

Среди глубоко укоренившихся в сознании индийского населения ценностей и представлений, которые лидер может использовать в своих целях, особое место занимает жертвенность, готовность претендента на депутатский мандат «пострадать за народ». «Согласно индийской культурной традиции, именно благодаря самопожертвованию богочеловека Пуруши существует человечество, общество, жизнь. О подвиге Пуруши рядовому индийцу напоминают ритуалы жертвоприношений — пуджи, которые он совершает практически ежедневно в честь богов, родственников, гостей. В политике же жертвенность служит сертификатом ис-

кренности и готовности послужить обществу» [12. С. 54]. Убийства Индиры Ганди и Раджива Ганди вызвали в стране мощную эмоциональную волну сочувствия и симпатии к ИНК, что и обеспечило ему победу на выборах в 1985 и 1991 годах. В ходе предвыборных кампаний индийские политики самого разного толка постоянно заявляют о том, что подвергаются гонениям и преследованиям со стороны официальных властей или же оппонентов. Во время недавних выборов в Законодательное Собрание штата Уттар прадеш партией БДП был выпущен диск разжигающего религиозную вражду содержания. Этим фактом озаботились противостоящие БДП партии, а также Центральная избирательная комиссия Индии. Было инициировано расследование. Однако наибольшую выгоду из всей этой шумихи извлекла именно БДП. Ее лидер Раджнатх Сингх, при отсутствии каких-либо санкций на его арест со стороны официальных властей, сопровождаемый толпами народа, пришел «сдаваться» в полицейский участок, всем своим видом демонстрируя, что в отстаивании своих взглядов и убеждений он готов идти до конца, каким бы печальным тот ни был [3, 09.04.07; 10.04.07]. Обращает на себя внимание и внешний вид индийских политиков. Подавляющее большинство членов правительства и депутатов парламента (людей материально обеспеченных и зачастую весьма вестернизированных) облачены в крайне скромный национальный наряд а-ля Махатма Ганди. С одной стороны, это должно свидетельствовать об их приверженности корням, с другой — демонстрировать крайнюю степень самозабвения в деле служения индийскому народу. Кроме того, подобный внешний аскетизм должен пробуждать в сознании рядового индийца (последователя или избирателя) образ саньясина, человека, своей праведной жизнью наиболее приблизившегося к мокше — освобождению от цепи перерождений (5).

Широко распространенная в обществе вера в реинкарнацию также находит отражение в индийском политическом процессе. В частности, многие лидеры воспринимаются своими последователями не иначе как аватары индуистских божеств. Например, бывший главный министр Бихар, ныне — министр путей сообщения Лалу Прасад Ядав своими сторонниками почитается как инкарнация Вишну. Мифологичность сознания, вероятно, объясняет и ту безграничную преданность, которую выказывают рядовые сторонники по отношению к своим лидерам. В прессе периодически появляются сообщения о людях, объявивших голодовку и даже окончивших жизнь самоубийством по причине того, что обожаемый ими кумир потерпел поражение на очередных выборах (6).

Приведем еще один любопытный пример. Некий Лакшман Сингх, трижды избиравшийся в состав центрального парламента, на всех предвыборных мероприятиях неизменно появлялся в головном уборе наподобие шлема, который, по словам политика, достался ему от семейного бога-покровителя. Большинству российских или западных избирателей такое поведение показалось бы, по меньшей мере, эксцентричным, однако для индийца, который в своей повседневной жизни плотно окружен участвующими в его судьбе богами, духами святых и прародителей, в нем нет ничего необычного или предосудительного. В Индии многие общественно-политические мероприятия сопровождаются демонстра-

тивным общением с астрологами и гадалками, совершением разнообразных ритуалов, что должно придать массам последователей уверенность в правильности действий и предстоящем успехе [12. С. 54]. В ходе предвыборных кампаний все политические партии устраивают так называемые ятры — гигантские шествия, в ходе которых агитационным, по сути, мероприятиям придается сакральный смысл. Иногда доходит до смешного: в 1997 г. представление нового кабинета министров парламенту несколько раз переносилось по причине того, что звезды-де расположены неблагоприятным образом [10].

Вероятно, с распространенностью мифологического типа сознания связано активное участие в индийском политическом процессе актеров и актрис. Особой популярностью среди избирателей пользуются исполнители ролей эпических героев и богов на телевидении. Похоже, что некоторые почитатели их таланта не в состоянии провести грань между личностью исполнителя и сыгранным персонажем. Голосуя, они делают выбор в пользу не какого-нибудь нитиша бхаратварджа, а именно лорда Кришны, в роли которого тот выступил. Понятно, что программа подобного кандидата не имеет для электората никакого значения. Известнейший индийский актер Амиабх Баччан, участвовавший в предвыборной кампании ИНК, бывало, с улыбкой признавался аудитории, что ничего не смыслит ни в политике, ни в деле управления государством, — и этим неизменно вызывал симпатию. В Аллахабаде он победил опытного политика Х.Н. Бахугуну, набрав 68,21% голосов [6. С. 102]. Данное свойство электората давно взято на вооружение всеми индийскими партиями. Сейчас нередко можно наблюдать, как в схватке за депутатский мандат в одном и том же округе сходятся не два-три профессиональных политика и даже не политик с актером — служители Мельпомены борются друг с другом.

Индийские деятели в своих предвыборных речах нередко ссылаются на дхарму, которая служит как бесспорным обоснованием их амбиций. Так, Соня Ганди мотивировала свое участие в предпоследних выборах в Локк Сабху велением дхармы. «В политику, — говорила она, — меня заставила идти дхарма моей семьи и моя деш сева дхарма». Для индийца эти слова свидетельствуют о многом, прежде всего, о принадлежности Сони Ганди к прославленной семье Неру, которая, согласно Соне, отдавала Индии «кровь, труд и слезы» (вспомним жертвенность!) и назначение (дхарма) которой — самоотверженно служить родине (деш сева) [цит. по 12. С. 55] (7). Упоминание о Соне и ее итальянском происхождении наводит на ряд других фундаментальных понятий индийской культурной традиции, которые нередко всплывают и в политическом процессе. Во-первых, это представления о чистоте — осквернении, тесно связанные с концепцией кармы-дхармы. Они «выражают высокие (чистые) или низкие (оскверняющие) кармические свойства предметов, людей, общественных групп и т.д. Стремление сохранить достигнутую в процессе многих перевоплощений степень сакральной чистоты и боязнь ее деградации в результате осквернения путем контактов с нечистыми субстанциями, предметами или представителями групп более низкого ритуального ранга лежат в основе сакральной самодоста-

точности каст и других групп традиционного типа. ... Во избежание деградации кармы священные тексты индусов запрещают представителям высоких (чистых) каст посещать другие страны. Хотя ограничения и запреты на общение с иностранцами давно потеряли свою силу, в глубинах индийского подсознания сохраняется инстинктивная настороженность против чужой (видеши) культуры и образа жизни» [12. С. 55]. Не случайно противники Сони Ганди, которая давно приняла индийское гражданство, прекрасно говорит на хинди и внешне ведет вполне традиционный образ жизни, основной упор делают на ее иностранном происхождении (8). Обращает на себя внимание то обстоятельство, что Соня, будучи реальным лидером нынешнего ИНК, отказалась занять пост премьер-министра страны после того, как Конгресс победил на выборах в 2004 году. Она предвидела, что вопрос ее иностранного происхождения будет подниматься всякий раз, когда правительство станет предпринимать непопулярные социально-экономические или внешнеполитические шаги. Разумеется, массам такое решение было преподнесено как личная жертва в пользу страны и партии.

Важнейшее значение в общественно-политической жизни Индии играет семья и семейные ценности. Семья, как основная хранительница и накопительница кармы, играет важнейшую роль в жизни индийца. Создание и сохранение семьи, рождение и воспитание детей, почитание родителей, любовь к братьям, сестрам, другим дальним и ближним родственникам — это, прежде всего, сакральный, кармический долг. Поэтому было бы странно, если бы политика не использовала чувство привязанности к семье, любви к родителям и детям. Депутат БДП (теперь уже бывший) Ума Бхарти встречала своих избирателей словами: «Я — ваша дочь (или «сестра», в зависимости от обстоятельств). Пообещайте, что проголосуете за меня». (К слову, в своем общении с массами Бхарти активно эксплуатирует и образ саньясина — это, пожалуй, самый распространенный из эпитетов, которыми ее награждают местные СМИ.) Приянка Ганди, проводившая кампанию в поддержку Сони Ганди, нередко апеллировала к сыновним чувствам людей. Например, на одном из митингов она обратилась к собравшимся со следующими словами: «Я приехала сюда с мамой. Я оставляю ее вам. Вы позаботитесь о ней?». По свидетельству репортеров, услышав это, толпа пришла в большое возбуждение [12. С. 55—56].

Наследственность и родство, безусловно, играют важную роль и при отборе кандидатов на руководящие/лидерские посты. Как указывают отечественные исследователи Алаев и Зубов, Индия может служить примером родового наследования власти при помощи демократических процедур [6. С. 108]. В этом отношении пальму первенства держит ИНК, который превратился прямо-таки в семейное предприятие клана Неру — Ганди. Вспомним, как оформился такой политический лидер, как Раджив Ганди. Политикой он занялся в 1981 г. в связи со смертью своего старшего брата Санджая. На тот момент ему было всего 37 лет — крайне мало по меркам Индии, где мудрость и опытность традиционно ассоциируются с преклонным возрастом. Тем не менее, уже в 1983 г. Раджив стал одним из генсеков Конгресса, а в октябре 1984 г. — и премьер-министром (после убийства ма-

тери). Решение о его избрании было принято руководством ИНК единодушно, борьбы за власть в высших эшелонах партии не наблюдалось вовсе. «Делая его премьер-министром, старшие руководители Конгресса в действительности обращались к нему с просьбой выиграть для них парламентские выборы» [6. С. 106]. Несомненно, среди них были честолюбцы, поглядывавшие на ставшее вакантным кресло, однако они трезво оценили преобладавшие в стране массовые настроения. В настоящий момент идет активное вовлечение в политический процесс сына Раджива — Рахула. В 33 года он стал депутатом нижней палаты парламента (нынешнего созыва), однако за все время ее работы выступил лишь несколько раз, да и то по каким-то сугубо местечковым вопросам. Тем более странными выглядели призывы многих рядовых членов ИНК назначить его генеральным секретарем партии. Президент Конгресса и одновременно мать Рахула Соня Ганди поначалу не спешила с этим назначением, «обкатывая» сына в ходе предвыборных кампаний, где его появление неизменно вызывало восторг у широкой публики. Наследник самой известной в мире индийской фамилии стал генсеком в результате внутрипартийных перестановок в сентябре 2007 года, в возрасте 37 лет, «обогнав», таким образом, даже своего прославленного отца.

Справедливости ради стоит отметить, что семейственность, родовое наследование власти свойственны большинству индийских партий — в том числе и коммунистическим, и БДП, которые в противовес ИНК принято считать «идеологическими». Другое дело, что принадлежность лидеров Конгресса к клану Неру — Ганди превратилась едва ли не в главный козырь этой организации, в то время как все остальные не могут похвастаться родством своих руководителей со столь значительными фигурами. Правда, стоит отметить, что местных и региональных вождей индийцы, как правило, знают гораздо лучше, чем общенациональных лидеров, да и доверяют им, судя по опросам, в значительно большей степени. Индийский гражданин зачастую не имеет никакого представления о Джавахарлале Неру или Индире Ганди, но при этом верно назовет депутата от своего округа в Локк Сабхе, т.е. нижней палате центрального парламента [5. С. 487].

Если обратиться к такой составляющей феномена лидерства, как его цели и задачи, то приходится констатировать, что таковыми для подавляющего большинства индийских политиков являются власть и тесно связанный с ней контроль над распределением ресурсов. (Впрочем, как раз в этом аспекте индийский политический процесс мало оригинален.) Безусловно, сказывается повсеместное распространение патронажно-клиентных отношений, в которые на разных уровнях вовлечены индийские политики и общественные деятели. Они просто обязаны позаботиться о группах, оказавших им поддержку, — деньгами, обеспечением участия в разного рода программах по развитию, наконец, постами в госструктурах — благо таковых здесь много. Политические взгляды и ориентации «хозяина» «команду» мало интересуют. К тому же партиям и коалициям, вынужденным учитывать интересы зачастую весьма разнородных групп, крайне сложно бывает выработать непротиворечивую, стройную программу.

Подводя итог, еще раз кратко обозначим те параметры, по которым предполагалось рассматривать феномен лидерства в рамках комплексного анализа. Индийский лидер — не столько политик-технократ, сколько представитель определенной традиционной группы, призванный отстаивать ее интересы. Кастовая, общинная, этнолингвистическая идентификация преобладает и у его последователей, огромное число которых экономически незащищено, неграмотно и опутано сетью традиционных связей еще сильнее, чем их вождь. Отношения между ведущим и ведомыми строятся по принципу «патрон-клиент», когда разного рода ресурсы и покровительство со стороны первого обмениваются на политическую поддержку со стороны вторых. Один из главных элементов ситуации — вертикальная и горизонтальная фрагментированность общества, в котором одновременно присутствуют как традиционные, так и современные слои, а также ячейки кастового, религиозного и этнолингвистического характера. Подобный дуализм, как представляется, отвечает интересам индийской политической верхушки, так как предоставляет большие возможности для политической мобилизации.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Как пишет А.А. Куценков, каста, или джати, в терминологии самих индийцев, — это эндогамная, закрытая, ранжированная группа реальных или потенциальных родственников, живущих по своим обычаям и законам. Каста (в отличие от варны) — локальная структура, ареал расселения которой, круг интересов и влияния не выходят за пределы ограниченной местности или, в лучшем случае, этнокультурного региона. В массовой литературе кастой нередко называют пучок, или кластер джати, имеющих общее, как правило, профессионально обусловленное, название и примерно одинаковый ритуальный статус [13. С. 66].
- (2) Панчayat — орган местного самоуправления в Индии, общинный совет.
- (3) «Хариджаны» переводится как «дети Бога»: такое наименование для «неприкасаемых» предложил Махатма Ганди как не несущее негативных коннотаций.
- (4) Общенациональный статус присваивается политической организации в случае, если та добилась определенных результатов в четырех и более штатах; так называемый «штатовский» (не региональный, поскольку такого термина в словаре индийской Избирательной комиссии не существует) — если необходимые результаты были достигнуты менее чем в четырех субъектах федерации.
- (5) Саньяса в представлениях индусов — четвертая, завершающая стадия земной жизни, в ходе которой человек, отказавшись от всякой, даже самой ничтожной, собственности, странствует по дорогам Индии, готовя свою душу к соединению с мировой душой — Брахманом.
- (6) Необходимо отметить, что отношение индийцев к жизни и смерти сильно отличается от принятого в западном цивилизационном ареале, что, на наш взгляд, обусловлено несходством религиозно-культурной традиции. Циклическое представление о времени, вера в перерождение души не способствуют абсолютизации ценности отдельно взятой жизни. В Индии самоубийства совершаются по, казалось бы, совершенно ничтожным поводам вроде неудачи на экзаменах или нехватки денег на карманные расходы.
- (7) Со ссылками на дхарму Соня, возможно, погорячилась: представители клана Неру — Ганди ее постоянно нарушали, вступая в браки с инородцами, за что, как уверяют традиционные индусы, жестоко поплатились (вспомним, что многие члены семьи умерли не своей смертью). Индира вышла замуж за парса, Раджив женился на итальянке Соне. Сын Раджива и Сони Рахул собирается связать свою судьбу с латиноамериканкой, вызывая тем самым нарекания со стороны индийских масс, недовольных тем, что он «попрал закон».

- (8) Например, Бал Тэкеррей, лидер ультранационалистической партии Шив Сена, не без изящества заметил: «Если так необходимо, чтобы Индией правили иностранцы, пусть уж это будут англичане — у них, по крайней мере, есть двухсотлетний опыт» [7. С. 114].

ЛИТЕРАТУРА

- [1] www.censusindia.gov.in — правительственный сайт, отражающий результаты переписей населения в Индии.
- [2] Asian Age.
- [3] Hindu.
- [4] Times of India.
- [5] *Алаев Л.Б.* Политическая система и политическая культура Индии // Политические системы и политические культуры Востока. — М., 2007.
- [6] *Алаев Л.Б., Зубов А.Б.* Доминантно-партийная система и личностные ориентации индийских избирателей // Политические отношения на Востоке: общее и особенное. — М., 1990.
- [7] *Бабич Дм.* Беназир Бхутто — Соня Ганди: к истории правящих в Пакистане и Индии «династий» // Россия и мусульманский мир. — 1999. — № 8 (86).
- [8] *Васильев Л.С.* История Востока: В 2-х т. — Т. 1. — 3-е изд., испр. и доп. — М., 2003.
- [9] *Ефимова Л.М.* Особенности политической культуры Востока // Политические системы и политические культуры Востока. — М.: АСТ: Восток — Запад, 2007.
- [10] *Кашин В.* Индия. Звезды и судьбы в политике страны // Азия и Африка сегодня. — 2001. — № 4.
- [11] *Кудряшова Е.В.* Лидер и лидерство. Исследования лидерства в современной западной общественно-политической мысли. — Архангельск, 1996.
- [12] *Куценков А.А.* Индия: традиционный социально-культурный комплекс и политика // Восток. — 2001. — № 4.
- [13] *Куценков А.А.* Индия: традиционный социально-культурный комплекс и политика (продолжение) // Восток. — 2002. — № 1.
- [14] *Weiner M.* The struggle for equality: caste in Indian politics. // The Success of Indian's Democracy / Ed. by Atul Kohli. Cambridge University Press, 2001.

SOME ASPECTS OF POLITICAL LEADERSHIP IN INDIA

E.V. Kruglova

The Department of Political Science
People's Friendship University of Russia
Mikluho-Maklaya str., 10 a, Moscow, Russia, 117198

In the article the author undertakes the examination of political leadership in India paying attention to its objective as well as subjective aspects. Leaders' and their followers' behavior is greatly influenced by their membership of the basic ascriptive groups. The relations between those who lead and those who follow them are the patron-client relations. Resources and protection are exchanged for political support. The author regards vertical and horizontal social divisions, the coexistence of traditional and modern layers as well as the existence of caste, religious, ethnic and linguistic groups as the important features of the leadership situation. This duality, as author argues, serves the interests of the Indian political elite, as it provides it with much opportunity for political mobilization.

ЕВРОЛОББИЗМ: ИНДИВИДУАЛЬНОЕ И КОРПОРАТИВНОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО ИНТЕРСОВ В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ

А.А. Кинякин

Кафедра сравнительной политологии
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10а, Москва, Россия, 117198

В статье рассматривается история, теория и практика осуществления лоббистской деятельности различными политическими акторами в контексте интеграционных процессов в Европе, а также дается оценка дальнейшим перспективам ее развития в условиях процессов глобализации.

Практика корпоративного представительства в настоящее время приобретает все большую популярность при реализации интересов бизнес-сообщества. Причем не только на национальном, но и наднациональном уровне. Наиболее наглядным примером в данном случае может являться деятельность различного рода бизнес-ассоциаций, действующих на европейском уровне. Формы и методы политического представительства интересов, используемые ими, во многом схожи с теми, что применяются на национальном уровне.

Однако есть и ряд отличий. Наиболее существенным является то, что предпринимательские ассоциации, действующие на наднациональном уровне, в отличие от национальных, в попытках повлиять на процесс принятия политических решений нередко вынуждены учитывать специфику международного представительства, а также адаптироваться к системе политического представительства, действующей на надгосударственном уровне.

В частности, германские представительные организации бизнеса, на национальном уровне действующие в условиях системы корпоративного согласования интересов, на наднациональном, в первую очередь, европейском уровне вынуждены действовать в условиях плюралистической системы представительства, не предполагающей выстраивание тесных партнерских отношений между властными структурами и различными группами интересов, в том числе и представительными организациями бизнеса, а также характеризующейся отсутствием институциональной основы для артикуляции интересов.

Все это, с одной стороны, объективно затрудняет процесс продвижения интересов германских представительных организаций в европейских органах власти, а с другой — заставляет их заниматься поиском новых методов и форм политического представительства. К числу таковых, в частности, можно отнести использование специализированных лоббистских структур (1), оказывающих влияние на процесс принятия политических решений в различных органах государственной власти.

С середины 80-х гг. прошлого века на фоне заметно ускорившихся процессов европейской интеграции, затронувших прежде всего социально-экономиче-

скую сферу, их число увеличилось в несколько раз. Не превышавшее в начале 70-х гг. 120, к концу 90-х гг. количество лоббистских структур, представляющих интересы германских предпринимательских ассоциаций, приближалось к 250 [4. S. 413].

При этом представительные организации бизнеса, несмотря на плюралистический характер системы политического представительства интересов на уровне ЕС, вовсе не стремятся полностью отдавать функции по артикуляции интересов национального бизнес-сообщества на аутсорсинг сторонним структурам. Будучи активно вовлечены начиная с начала 50-х гг. XX века в интеграционные процессы, идущие на европейском уровне, они активно участвуют в действующей системе корпоративного представительства интересов на уровне ЕС, пытаются самостоятельно заниматься политическим представительством интересов в европейских органах власти, а также действовать на основе представительных организаций бизнеса, создающихся и действующих на наднациональном уровне (2).

При этом, что касается непосредственно системы европейского корпоративного представительства, то германские предпринимательские ассоциации в свое время приняли активное участие в процессе ее создания.

Отсчет начала корпоративного представительства на европейском уровне принято вести начиная с середины XIX века, когда в результате промышленных революций в ряде западноевропейских стран и усиления роли буржуазии возникли предпосылки для самоорганизации бизнес-сообщества, что выразилось главным образом в появлении ряда межгосударственных предпринимательских объединений. Однако вследствие разразившихся в начале XX века мировых войн процесс создания панъевропейских представительных организаций бизнеса был в значительной мере заморожен.

Лишь в послевоенный период, характеризовавшийся восстановлением европейских экономик, ему был придан новый импульс в результате появления новых представительных организаций бизнеса, объединяющих на своей основе предприятия из различных европейских стран. Решающую роль в этом сыграли две вещи — «план Маршала» (предоставление экономической помощи со стороны США), а также создание Организации европейского экономического сотрудничества (3). При этом процесс создания европейских представительных организаций бизнеса, протекавший очень динамично (только в период с 1945 по 1950 гг. было создано более 30 паневропейских предпринимательских объединений) очень скоро принял институциональный характер [1. S. 959].

В 1950 г. в качестве координационного центра предпринимательских объединений из различных европейских стран, стремящихся развивать свою деятельность на европейском уровне, был создан Совет европейской промышленности (Rat der Europäischen Industrien), который объединил на своей основе «зонтичные» предпринимательские организации из 17 европейских стран. Он стал во многом прообразом созданного позднее Союза конфедераций европейских предпринимателей и работодателей (UNICE), который в настоящее время является наиболее представительной предпринимательской ассоциацией [6. S. 339].

Помимо создания межотраслевых объединений в середине 50-х гг. прошлого века активно шло формирование предпринимательских объединений и по отраслевому признаку.

Пионером в данном смысле выступили предпринимательские ассоциации, представляющие интересы горно-металлургической и сталелитейной промышленности Германии, Франции, а также стран Бенилюкса, выступивших учредителями Европейского общества угля и стали (ЕОУС). В 1953 г. они создали так называемый Клуб производителей со штаб-квартирой в Брюсселе, который на протяжении последующих полутора десятков лет стал основным центром притяжения для интересов из соответствующих отраслей промышленности, заняв видное место в системе корпоративного представительства на европейском уровне.

Процесс создания представительных организаций бизнеса заметно активизировался с подписанием Римского договора в 1957 г., который фактически заложил фундамент для создания институциональной основы нынешней экономической системы ЕС. В период с 1968 по 1978 гг. было создано 225 предпринимательских объединений, причем около половины из них в последующие после подписания Римского договора два года [4. S. 415]. Именно в это время происходит окончательное структурное формирование системы корпоративного представительства в Европе, которая на сегодняшний день насчитывает свыше 400 различных предпринимательских объединений, консолидирующих на своей основе, по разным оценкам, от 75% до 90% всех промышленных предприятий [1. S. 445].

Причем заметная часть этих предпринимательских ассоциаций возникла в качестве новых представительных организаций. Лишь небольшое число предпринимательских объединений было создано до начала 50-х гг. XX века.

Увеличению численности предпринимательских объединений во многом способствовало создание Европейской ассоциации свободной торговли (ЕАСТ), которое на протяжении почти двух десятилетий выступало в качестве конкурента возникшего Европейского экономического сообщества (ЕЭС), однако члены которого являлись ассоциированными членами возникших панъевропейских предпринимательских ассоциаций.

Среди наиболее крупных и влиятельных следует отметить уже упоминавшийся Союз европейских конфедераций предпринимателей (UNICE), объединяющий на своей основе «зонтичные» представительные организации бизнеса, действующие в 25 европейских странах — членах ЕС, Европейское объединение государственных предприятий (СЕЕР), Европейский союз малых и средних предприятий (UEAPME), а также Европейское объединение торгово-промышленных палат (Eurochambers).

Именно они образуют «костяк» предпринимательских объединений, действующих на сегодняшний день в системе корпоративного представительства на европейском уровне, выступая в качестве основных контрагентов европейских органов власти.

Наглядным примером этого может являться тот факт, что для ведения так называемого «социального диалога», необходимость ведения которого была за-

креплена в Маастрихтском договоре о создании Европейского союза и суть которого заключалась в создании системы социального партнерства на европейском уровне, в качестве представителей европейских предпринимателей и работодателей были привлечены UNICE и CEEP как наиболее представительные организации бизнеса. Также они вошли в состав на правах наблюдателей, а по сути главных лиц в так называемый Круглый стол промышленников (Round Table of Industrialists), основной целью которого являлось продвижение идеи «общего рынка» в Европе [3. S. 202]. Это объединение, имеющее постоянное представительство в Брюсселе, в настоящее время объединяет на своей основе 44 представителя советов директоров ведущих европейских концернов и на сегодняшний день является одной из наиболее влиятельных неформальных групп, действующих на европейском уровне и артикулирующих интересы предпринимателей.

При этом представители германских концернов, принимающих участие в заседании европейского Круглого стола промышленников, зачастую являются видными членами германских предпринимательских ассоциаций, в первую очередь Федерального союза германской промышленности. Таким образом, представительные организации бизнеса в Германии имеют реальную возможность оказывать влияние на процесс принятия политических решений на европейском уровне [3. S. 210].

Тем не менее, если говорить о самих круглых столах, то подобная рода форма была особенно распространена в 50—60-е гг. XX века, то есть на ранних этапах формирования современной системы корпоративного представительства на европейском уровне. В основном они создавались в целях осуществления информационного обмена между различными предпринимательскими объединениями.

По мере ускорения процессов европейской интеграции, которые, в свою очередь, оказывали заметное влияние на формирование системы корпоративного представительства интересов, на смену круглым столам пришли альянсы, основными задачами которых являлся не столько информационный обмен, сколько усиление кооперации между предпринимательскими объединениями из различных европейских стран, а также координация деятельности по представительству интересов. Подобный тип предпринимательских объединений был особенно распространен в 70-х — начале 80-х гг. прошлого века.

Однако позднее он сменился наднациональными представительными организациями бизнеса, по своей организационной структуре и функциональной направленности наиболее приближенными к современному типу предпринимательских объединений.

Стремясь в первую очередь артикулировать интересы в европейских органах власти, они также активно развивают деятельность на национальном уровне. И германские предпринимательские ассоциации отнюдь не являются в этом плане исключением. В настоящее время BDI и DIHT, являясь национальными предпринимательскими объединениями, занимаются активным представительством интересов и на европейском уровне.

Начиная с конца 80-х гг. прошлого века с принятием «Единого европейского акта» процесс представительства интересов на уровне ЕС приобретает несколько иные черты. Наряду с панъевропейскими представительными организациями бизнеса в процесс артикуляции интересов начинают активно вовлекаться предпринимательские ассоциации, действующие на национальном уровне, а также отдельные европейские концерны, открывающие свои представительства в Брюсселе или привлекающие профессиональных лоббистов для артикуляции своих интересов в органах государственной власти. Последнее является наглядным свидетельством набравшего уже в то время ход процесса глобализации, который характеризовался не только и не столько стиранием национальных границ, но прежде всего выходом бизнеса, а вместе с ним и предпринимательских объединений на новый наднациональный уровень [5. S. 56].

В случае с европейскими союзами это во многом было связано еще и с тем, что следствием процессов европейской интеграции, приведших к постепенному складыванию системы надгосударственного управления, явилось делегирование национальными государствами части своих суверенных функций и полномочий на наднациональный уровень. Именно европейские органы власти, а отнюдь не национальные, обладают на сегодняшний день большими властными полномочиями при решении многих вопросов, затрагивающих экономическую сферу, что автоматически делает их основными контрагентами предпринимательских организаций.

Таким образом, процесс европейской интеграции способствует тому, что предпринимательские ассоциации все более становятся глобальными игроками, что является не только новым этапом в эволюции их развития, но и по сути отражает объективную реальность — меняющиеся социальные механизмы под воздействием процесса глобализации.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) В данном случае не надо их путать с организациями, входящими в лоббистские списки (*Lobbyliste*) и действующими преимущественно на национальном уровне.
- (2) Пионерами в данном случае являются Федеральный союз германской промышленности и Германский торгово-промышленный съезд, которые, начиная с ранних этапов процесса европейской интеграции (в частности, создания Европейского общества угля и стали (ЕОУС)), стремились активно развивать свою деятельность на европейском уровне. Заметно позже к ним присоединилось Федеральное общество германских работодательских союзов, что отчасти объясняется тем, что в состав BDA не входили объединения работодателей, представляющих горно-металлургическую, а также сталелитейную отрасли.
- (3) Она была создана в 1948 г. и стала своеобразным прототипом Европейского экономического сообщества (ЕЭС), которое возникло в результате подписания Римского договора.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Algieri F., Rometsch D.* Europäische Kommission und organisierten Interessen: Die Rolle der Ausschußwesens and Ansätze für einen strukturierten Dialog // In: *Eichner V., Voelzkow H.* (Hrsg.). Europäische Integration und verbandliche Regulierung.— Marburg, 1994.

- [2] *Averyt W.* Eurogroups, clientele, and the European Community // In: International Organization, Jg. 29, 1975.
- [3] *Kohler-Koch B.* Die Gestaltungsmacht organisierter Interessen // In: Jachtenfuchs M., Kohler-Koch B. (Hrsg.). Europäische Integration. — Opladen, 1996.
- [4] *Platzer H.-W.* Interessenverbände und europäischer Lobbyismus // In.: Weidenfeld W. (Hrsg.). Europahandbuch. — Berlin, 2002.
- [5] *Traxler F., Schmitter P.* Perspektiven europäischer Integration, verbandlicher Interessenvermittlung und Politikformulierung // In: Eichner V., Voelzkow H. (Hrsg.). Europäische Integration und verbandliche Regulierung. — Marburg, 1994.
- [6] *Zehetner F.* Die Stellung der Verbände, Gewerkschaften und Kammern im Europarecht // In: Anwaltsblatt, Jg. 7, 1990.

Интернет-ресурсы

- [7] Официальный сайт Европейского объединения государственных предприятий (CEEP) <<http://www.ceep.org>>
- [8] Официальный сайт Европейского объединения торгово-промышленных палат <<http://www.chamberofcommerce.com>>
- [9] Официальный сайт Европейского союза малых и средних предприятий <<http://www.ueapme.com>>
- [10] Официальный сайт Союза европейских конфедераций предпринимателей (UNICE, BusinessEurope) <<http://www.businessEurope.eu>>

**EUROLOBBYISM: INDIVIDUAL
AND CORPORATE INTEREST REPRESENTATION
IN THE EUROPEAN UNION**

A.A. Kinyakin

The Department of Comparative Politics
Russian Peoples' Friendship University
Mikluho-Maklaya str., 10a, Moscow, Russia, 117198

This article explores the history, theory and praxis of interest articulation and lobbying on the level of European Union by the different political actors. Their activity is considered not only in the retrospect within the frameworks of process of European integration but also in the context of ongoing processes of globalization. The author also gives the assessment of the perspectives of future development of political representation system of EU in respect of further European integration and globalization.

«СОПЕРНИЧЕСТВО — СОТРУДНИЧЕСТВО» В ПОЛИТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ ВЬЕТНАМА И СТРАН ЗАПАДА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Р.А. Сенин

Кафедра политологии Востока
Институт стран Азии и Африки при МГУ
Моховая, 11, Москва, Россия, 103917

Статья посвящена особенностям развития политических отношений между Вьетнамом и странами Запада на современном этапе. В настоящее время они, по определению вьетнамских политологов, носят сложный характер, сочетающий в себе как элементы соперничества, так и элементы сотрудничества. В статье анализируются характер взаимодействия Вьетнама с западными демократиями по проблемам, находящимся на стыке внешней и внутренней политики СРВ.

Начиная с конца 1980-х гг. прошлого века Социалистическая Республика Вьетнам сосредоточила дипломатические усилия на западном векторе своей внешней политики. Развитие отношений с Западом и по сей день остается важнейшей составляющей внешнеполитического курса Вьетнама. Это объясняется необходимостью привлечения инвестиций, содействия развитых стран по линии официальной помощи на цели развития (ОПР), а также заимствования новейших технологий. За 20 лет развития отношений с Западом страна добилась окончательного и успешного разрешения основных проблем, стоявших перед ней во внешнеполитической сфере: установила стратегический диалог с ключевыми мировыми акторами (США, КНР, Японией, государствами Европейского Союза, Россией, Индией) и стала органичным элементом региональной системы международных отношений в рамках АСЕАН, АТЭС и структур зарождающейся «Большой Восточной Азии». Все это предоставляет Вьетнаму возможность для выхода на позиции независимого игрока глобальной политики, на равных взаимодействующего с великими державами [6]. При этом основной особенностью внешней политики СРВ был и остается прагматический подход к решению возникающих проблем. Этот подход сочетает, с одной стороны, неизменную защиту своих национальных интересов, а с другой, конъюнктурную гибкость и готовность идти на компромиссы и тактические уступки западным партнерам в целях сохранения и развития отношений, но лишь до того предела, когда это не ущемляет жизненно важных интересов Вьетнама. Усиливающаяся вовлеченность Вьетнама в современные международные отношения вынуждает его учитывать при выстраивании своего внешнеполитического курса позицию Запада по ряду проблем, которые прежде рассматривались как сугубо внутренние дела суверенного государства. В стране, которая одна из немногих старается сохранить однопартийную политическую систему, хотя и адаптирует ее к происходящим изменениям, это является весьма сложным процессом, ставящим перед СРВ новые вызовы. В связи с этим одной из ключевых проблем современной внешней политики Вьетнама является обеспечение баланса между эффективной

интеграцией в современный миропорядок и сохранением национального суверенитета и стабильности внутренней политической ситуации в стране.

В результате этого в отношениях СРВ с Западом сформировалась сложная схема отношений, называемых вьетнамскими политологами отношениями «*соперничества—сотрудничества*» [9. Тр. 79—82]. Необходимость *сотрудничества* очевидна. Она обусловлена экономической взаимозависимостью государств и возникновением нетрадиционных вызовов и угроз. Вьетнам, развивая отношения с Западом, взаимодействует с ним в самых разнообразных областях, начиная от контактов в сфере обороны и кончая борьбой с эпизоотиями.

«Соперничество» же понимается неоднозначно. Говоря о *соперничестве* со странами Запада, вьетнамские политологи, во-первых, имеют в виду дискриминационную торговую политику развитых стран, противоречащую интересам Вьетнама. Во-вторых, оно обозначает более важное для предмета данной статьи стремление Запада, прежде всего США, распространить в СРВ либерально-демократические ценности, ослабить роль Коммунистической партии Вьетнама и в итоге изменить государственный строй. Можно отметить противоречивость таких отношений, которая очень точно определяется В.М. Мазыриным: «Правительство СРВ заявляет о необходимости обеспечить экономический прогресс и одновременно хочет оставить ведущую роль за государственным сектором экономики, привлекать прямые иностранные инвестиции и завоевывать новые рынки, но не допускать заражения вьетнамского общества чуждыми духовными ценностями из-за рубежа, выполнять настойчивые рекомендации донорского сообщества и при этом сдерживать политические реформы, диктуемые нормами «Вашингтонского консенсуса» (См.: [3]).

Начиная с 1990-х гг. Вьетнам, наряду с КНР, КНДР и Кубой, был одним из государств, наиболее часто критикуемых западными официальными и неправительственными организациями за систематические нарушения прав и свобод человека. Особые нарекания вызывали притеснения национальных меньшинств и представителей религиозных конфессий (в особенности протестантов и католиков). Это существенно осложняло развитие равноправного сотрудничества между Вьетнамом и странами Запада, причем не только в гуманитарных областях, но, что особенно важно, и в экономической сфере. Искусственно создаваемое у мировой общественности предубеждение по отношению к Вьетнаму тормозило интеграцию страны в международное сообщество.

Кроме того, как показывают события в Югославии, Ираке, КНДР, распад биполярной системы привел к тому, что развитые страны Запада все более активно практикуют вмешательство во внутренние дела других государств, подменяя собой такие международные организации, как ООН. При этом используются различные виды воздействия: от экономического давления до «гуманитарных интервенций», в зависимости от характера политической системы государства. И вьетнамские, и российские авторы сходятся на том, что такие действия стали возможны благодаря серьезным изменениям в международной практике. А.Д. Богатуров концентрирует в этой связи внимание на усиленно продвигаемой Западом «обратной идеологизации» международных отношений, выражающейся

в «абсолютизации опыта западной демократии и связанных с нею хозяйственной и социально-политической систем» [1. С. 640].

Как отмечает В.А. Кременюк, сегодня в международных отношениях «возникает новая классификация стран по принципу «свой-чужой», включающая помимо союзников и партнеров Запада («своих»), также «чужих» (страны—«изгои»), «почти чужих» ..., «непонятных»» [2. С. 14]. Вьетнам в данной классификации причисляется им, наряду с Белоруссией, к категории «почти чужих», не соответствующих либерально-демократическим стандартам. Хотя американские политологи отрицают связь между «демократизацией» и «сменой режимов», первое является не более чем прикрытием второго, т.к. предполагается, что менее демократические режимы сменяются более демократическими. Это не может не тревожить лидеров СРВ. Да и взгляды Евросоюза, чьи многочисленные программы по линии ОПР во Вьетнаме неизменно увязываются с обеспечением т.н. «демократической триады», состоящей из «добросовестного государственного управления», «верховенства закона» и, особенно, «соблюдения прав человека», не разделяются руководством страны. Анализируя изменения мирового порядка применительно к отношениям СРВ с государствами, их инициировавшими, вьетнамские исследователи делают вывод, что США и, меньшей степени, другие страны Запада перейдут к более широкому применению данных принципов, стремясь с помощью различных ненасильственных средств отстранить КПВ от власти в стране и ликвидировать социалистический строй. Особую озабоченность вьетнамцев вызвал доклад разработчика известной резолюции Европарламента № 1481 «Необходимость осуждения преступлений тоталитарных коммунистических режимов» Г. Линдблада, в котором постулировалась необходимость практических шагов европейских государств по ужесточению своей позиции в отношении сохраняющихся коммунистических режимов (См.: [7]). Эта стратегия получила во Вьетнаме название «*мирной трансформации*». Под «*мирной трансформацией*» подразумевается замещение социалистических ценностей на либерально-демократические во всех сферах жизни, ослабление доверия народа к государству.

Мы остановимся на проблеме противоречий СРВ и Запада по вопросам возможной демократизации политической системы СРВ и обеспечения прав человека. В статье под названием «Борьба против «мирной трансформации» в сегодняшнем Вьетнаме» вьетнамский автор Лыу Ван Ан отмечает: «Это война, в которой применяются несилловые, но победоносные средства. Одним из основных средств достижения победы в этой войне является разжигание внутренних противоречий для появления оппозиции; дистантная манипуляция этими противоречиями для достижения „самотрансформации“ режима» [8].

Однако именно стремление к сильной централизованной власти для обеспечения национального суверенитета и политической стабильности и является важнейшей чертой вьетнамской политической культуры. Сегодня КПВ, как и прежде, продолжает персонифицировать такую сильную централизованную власть. Как отмечает Г.Ф. Мурашева, «в настоящее время ... правящая Коммунистическая партия Вьетнама ... «позиционирует» себя в качестве политического аван-

гарда ... всей нации», а «руководство КПВ подчеркивает полную идентичность классового и национального начал в ... деятельности компартии как общенационального лидера на этапе модернизации и индустриализации страны» [4. С. 169].

Озабоченность руководства КПВ проблемой сохранения своего авторитета и руководящей роли имеют под собой реальные основания. Даже незначительная либерализация политической системы в сочетании со сближением с Западом привели к активизации в СРВ выступлений отдельных диссидентов и целых политико-религиозных объединений. В апреле 2006 г. группа активистов, возглавляемая известным диссидентом, католическим священником о. Нгуен Ван Ли, опубликовала «Манифест о свободе и демократии во Вьетнаме». В нем содержался призыв к стадильной демократизации страны и постепенному, ненасильственному демонтажу коммунистического строя. Одновременно документ провозглашал образование предпартийного общественного движения, борющегося за реализацию положений Манифеста (См.: [11]). Оно получило название «Блок 8406» (по дате опубликования Манифеста). Большую поддержку зарождающееся движение приобрело за границей: Манифест и последующие документы «Блока» были размещены на десятках интернет-сайтов вьетнамской эмиграции, в начале мая 2006 г. в его поддержку выступили 50 членов Конгресса США, а также группы австралийских и канадских парламентариев. Международное измерение проблемы приобрело особую значимость, когда накануне проведения саммита АТЭС-2006 «Блок» практиковал рассылку открытых писем с просьбой о поддержке демократических преобразований во Вьетнаме лидерам стран-участниц и некоторых европейских государств. В результате движение приобрело широкую международную известность.

Основной деятельностью сторонников «Блока» стало формирование независимых некоммунистических партий. В течение 2006 г. были образованы т.н. «Прогрессивная партия Вьетнама» («ППВ») во главе с ближайшим сторонником Нгуен Ван Ли Нгуен Фонгом, а также менее заметные «Демократическая партия Вьетнама (XXI в.)» под руководством Хоанг Минь Тиня, «Народно-демократическая партия» во главе с До Тхань Конгом и более мелкие группы.

Появление данных политических движений во Вьетнаме стало следствием большей открытости страны внешнему миру накануне проведения там мероприятий АТЭС-2006 с участием лидеров многих западных государств. В условиях незавершенности процесса формирования механизмов рыночной экономики и сохраняющихся многочисленных социальных проблем дестабилизация внутренней ситуации явилась бы катастрофой для Вьетнама. Оглядываясь на негативный опыт стран ЦВЕ и России начала 1990-х гг., вьетнамское руководство предприняло все меры, для того чтобы не допустить формирования прозападных политических партий. Однако при решении этой проблемы вьетнамские политики проявили определенную гибкость.

Если накануне проведения саммита официальный Ханой воздерживался от осложнения отношений с США и не решался на открытые репрессии в отношении оппозиционеров, то с его окончанием правоохранительные органы страны провели аресты всех наиболее значимых «борцов за демократию».

В числе первых в феврале 2007 г. были арестованы сам Нгуен Ван Ли, лидер «ППВ» Нгуен Фонг и другие.

Как и ожидалось, задержание и суд над активистами «Блока 8406» и «ППВ» вызвали весьма бурную реакцию в странах Запада, прежде всего в США. Американский посол в СРВ М. Марин незамедлительно заявил, что продолжение репрессий в отношении «узников совести» может существенно замедлить продвижение вьетнамо-американских договоренностей, достигнутых в ходе визита Дж. Буша в Ханой в ноябре 2006 г. (См.: [14]). С резкими заявлениями выступили представители Конгресса США. Так, конгрессмен К. Смит, поддерживавший в ноябре 2006 г. исключение СРВ из списка стран, «вызывающих особые опасения» с точки зрения обеспечения религиозных свобод, назвал решение суда «возмутительным и зловещим». Он призвал официальный Вашингтон вмешаться в ситуацию и способствовать освобождению осужденных, а власти СРВ — «перестать играть в игры». Сами реформы политической сферы во Вьетнаме были охарактеризованы американским политиком как «иллюзорные» (См.: [10]).

В то же время намеченные на май 2007 г. выборы депутатов Национального собрания XII созыва, которому отводится главная роль во вьетнамской программе «либерализации сверху», требовали нейтрализации любой организованной оппозиции внутри страны. Таким образом, соображения внутренней стабильности в тот момент перевесили опасения перед возможным дипломатическим скандалом и осложнениями в отношениях с западными партнерами.

Анализ действий партийно-государственного руководства СРВ показывает, что в целях сохранения внутренней стабильности власти страны допускают лишь строго дозированные проявления демократизации. Вьетнамские лидеры стараются осуществлять постепенную либерализацию законодательства и деятельности отдельных институтов государственной власти. Однако целью этого является не демократизация режима, а лишь облегчение функционирования рыночных механизмов. Политический плюрализм и многопартийность полностью отрицаются руководством партии и правительства СРВ.

Еще большее неприятие у официального Ханоя вызывают проявления сепаратизма. При возникновении сколько-нибудь реальной угрозы территориальной целостности страны и стабильности политической системы Вьетнам действует максимально жестко, мало обращая внимание на ремарки Запада. Прежде всего, это относится к проявлениям сепаратизма горских народностей, проживающих на плато Тэйнгуен в центральной части страны. Не затихавшая на протяжении всего XX в. национально-религиозная проблема во Вьетнаме особенно обострилась в 1999 г., когда члены базировавшегося в США Фонда горских народов («Монтаньяр Фаундейшн») провозгласили создание так называемого «Независимого государства Дэга». Его «президентом» стал гражданин США Ксор Кок, развернувший в целях своего признания активную международную деятельность, в том числе через американский Конгресс.

Под видом идей «освобождения родины и восстановления религиозных свобод» в апреле 2004 г. в расположенных на плато Тэйнгуен провинциях Даклак и Зялай «Монтаньяр Фаундейшн» были спровоцированы выступления

представителей национальных меньшинств. В качестве основы духовного сплочения «патриотов» была выбрана так называемая «Протестантская церковь Дэ-га». По мнению властей СРВ, беспорядки начались в пасхальную неделю в целях придания выступлениям именно религиозной окраски. Последовавший разгон выступлений вызвал незамедлительную жесткую реакцию Госдепартамента США, пригрозившего заморозить торгово-экономическое сотрудничество и процесс переговоров по вступлению Вьетнама в ВТО. Однако вьетнамская сторона охарактеризовала обвинения в «притеснениях в Тэйнгуене по этническому и религиозному признаку», прозвучавшие со стороны некоторых правозащитных организаций, например, «Хьюмэн Райтс Уотч» (См.: [14]), «злонамеренными спекуляциями». Более того, американской стороне были представлены доказательства того, что волнения инспирировались «Монтаньяр Фаундэйшн».

Тем не менее, как было сказано выше, интеграция в мировое сообщество и необходимость сохранять хорошие отношения с западными демократиями вынуждают Вьетнам проявлять гибкость и идти на сотрудничество с Западом в гуманитарных вопросах, затрагивающих внутреннюю политику страны. Следует, однако, отметить, что в большинстве случаев сотрудничество СРВ с Западом в области прав человека, национальных и религиозных меньшинств носит выражено конъюнктурный и формальный характер.

Это хорошо иллюстрирует тактика СРВ на заключительном этапе вьетнамо-американских переговоров о вступлении Вьетнама в ВТО, необходимом для успешного развития экспортно-ориентированной экономики страны. Переговоры не могли быть успешно завершены, в частности, без исключения Вьетнама из специального списка стран, вызывающих особые опасения с точки зрения обеспечения религиозных свобод. Поэтому СРВ пошла на беспрецедентную активизацию контактов с Западом в сфере защиты прав человека. В частности, в 2004 и в 2006 гг. власти СРВ опубликовали две Белых книги — по правам человека (См.: [12]) и положению верующих в стране (См.: [11]) — и в целом не препятствовали многочисленным встречам западных правозащитников с местными диссидентами и религиозными деятелями. На переговорах с американскими и европейскими дипломатами вьетнамские власти демонстрировали готовность к конструктивному диалогу. Смягчение позиции США было обусловлено и принятием либеральных Постановления Национального собрания СРВ о религии и верованиях (2004 г.), а также Распоряжения премьер-министра СРВ о протестантизме (2005 г.), несколько расширивших права верующих. Шагом, демонстрирующим готовность СРВ идти на расширение гуманитарных контактов, стал допуск в страну делегации Всемирного Союза Баптистов, одного из ярких критиков религиозной политики СРВ. В рамках этого визита была организована крупнейшая за всю новейшую историю страны встреча представителей этой конфессии, собравшая более 500 делегатов (См.: [5]).

Кроме того, в 2005—2006 гг. власти СРВ организовали поездки представителей аккредитованных в Ханое международных организаций системы ООН, группы иностранных послов, ряда зарубежных делегаций в районы компактного проживания этнических меньшинств.

Другим фактором, повлиявшим на смягчение позиции американцев в вопросе соблюдения прав и свобод верующих, следует считать потепление отношений Вьетнама с Ватиканом, озаглавленное беспрецедентным шагом — образованием в начале 2006 г. в СРВ новой католической епархии Бария (провинция Бария-Вунгтау) (1). Согласие на это руководства СРВ было интерпретировано как жест доброй воли и получило высокую оценку у международных наблюдателей.

Представители Конгресса США поддержали в ноябре 2006 г. исключение СРВ из списка стран, «вызывающих особые опасения». Официальный Ханой назвал исключение страны из перечня «нарушителей свободы совести» правильным решением, точно отражающим реалии Вьетнама в соответствии с принципами и позитивными изменениями вьетнамо-американских отношений. Здесь важна увязка данного решения Вашингтона именно с прогрессом в двусторонних отношениях, а не с изменением религиозной политики во Вьетнаме как таковой. На протяжении двух лет (с 2004 г.) черный список был для Вьетнама проблемой не внутри-, а внешнеполитической, и все усилия руководства страны были направлены не на реформу своей религиозной политики, а на убеждение США в том, что такая реформа осуществляется.

В заключение можно отметить, что «соперничество — сотрудничество» в политических отношениях Вьетнама и стран Запада играют позитивную роль. Гибкость вьетнамской дипломатии позволяет сохранить внутреннюю стабильность в стране, необходимую для укрепления экономики, без ущерба для дальнейшего развития партнерства с Западом. Вьетнам адаптирует свою политическую систему в соответствии с требованиями западных демократий, но делает это лишь в той степени и в том темпе, которые соответствуют его национальным интересам в данный момент.

ПРИМЕЧАНИЕ

- (1) Тем не менее, в настоящее время Вьетнам не поддерживает с Ватиканом дипломатических отношений, взаимодействие Ханоя со Святым Престолом осуществляется по неофициальным каналам.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Богатуров А.Д. Заключение. Миропорядок начала 2000-х годов // Системная история международных отношений. 1918—2003. — М., 2003. — Т. 3. — С. 639—642.
- [2] Кременюк В.А. Новая мировая ситуация и ее влияние на политику США // Политика США в меняющемся мире / Отв. ред. П.Т. Подлесный. — М., 2004. — С. 8—26.
- [3] Мазырин В.М. Суверенная интеграция или «внешнее управление»? Опыт Вьетнама // Азия и Африка сегодня. — 2006. — № 12. — С. 20—24.
- [4] Мурашова Г.Ф. История и современность в политической культуре Вьетнама // Политическая культура и деловая этика стран Востока. — М., 2006. — С. 150—166.
- [5] BWA Delegation Makes Historic Human Rights Visit to Vietnam // The Christian Post. — May 26, 2006.
- [6] Foreign Minister Nguyen Dy Nien Sets Future Goals. URL: <http://www.dangcongsan.vn>
- [7] Lindblad G. Need for International Condemnation of Crimes of Totalitarian Communist Regimes. Report before Political Affairs Committee, Parliamentary Assembly, Council of Europe. — Strasbourg, 2005.

- [8] *Luu Van An*. Đau tranh chong «Dien bien hoa binh» o nuoc ta hien nay // Tap chi Bao chi va tuyen tuyen. (Льу Ван Ан. Борьба против «мирной трансформации в сегодняшнем Вьетнаме» // Пресса и пропаганда.). — 2004. — № 5. — Tr. 25—28.
- [9] *Nguyen Hoang Giap*. Quan he voi cac nuoc lon trong chinh sach doi ngoai Dai hoi IX // Qua trinh trien khai thuc hien chinh sach doi ngoai cua Dai hoi IX Dang Cong san Viet Nam. — Ha Noi. 2005. — Tr. 73—85 (*Нгуен Хоанг Зяп*. Отношения с великими державами во внешнеполитическом курсе IX Съезда Партии // Процесс реализации внешнеполитического курса IX Съезда Коммунистической Партии Вьетнама. — Ханой, 2005. — С. 73—85).
- [10] *Robertson D.* Key US Lawmaker Condemns Sentencing of Dissident in Vietnam. Report. Voice of America. 30 March 2007. URL: <http://www.voanews.com>
- [11] Tuyen ngon Tu do Dan chu cho Viet Nam, ngay 8-4-2006 (Манифест свободы и демократии для Вьетнама от 8 апреля 2006 г.). URL: <http://www.danchu2006.com>
- [12] Sach trang «Ton giao va chinh sach ton giao o Viet Nam». — Ha Noi., 2006. (Белая книга «Религии и конфессиональная политика во Вьетнаме». — Ханой, 2006).
- [13] Sach trang «Thanh tuu bao ve va phat trien quyen con nguoi o Viet Nam». — Ha Noi, 2004. (Белая книга «Успехи в защите и развитии прав человека во Вьетнаме» — Ханой, 2004.)
- [14] U.S. Ambassador to Vietnam Michael W. Marine's opinioned on Vietnam Human Rights // US Embassy in Vietnam Press Release, April 05, 2007.
- [15] Vietnam: Independent Investigation of Easter Week Atrocities Needed Now. A Human Rights Watch Briefing Paper. URL: <http://hrw.org>

«COMPETITION — COOPERATION» PHENOMENON IN CONTEMPORARY POLITICAL RELATIONS BETWEEN VIET NAM AND THE WESTERN STATES

R.A. Senin

The Department of Oriental Political Studies
The Institute of Asian and African States under the MSU
Mohovaya str., 11, Moscow, Russia, 103917

Relations with the West are currently among the Vietnamese foreign policy priorities. For Socialist Republic of Vietnam that promotes renovation policy and integration into the international community and global economy, further development of the relations with the US and the European Union can ensure the political support which is of primary importance for the success of Vietnamese reforms. Vietnamese politicians define these relations as ones since they provide considerable benefits and at the same time pose new challenges in front of the Vietnamese authorities. The latter concern the changing approach of western democracies to other states domestic policy especially introduction of Western-style liberalization and raising human rights issues. In such situation Vietnam has to seek balance between comprehensive economic, humanitarian and political cooperation and restraining of communist regime «peaceful evolution». In the last decade official Hanoi has made great diplomatic efforts to avoid western attempts to meddle into Vietnamese internal affairs and tried to preserve domestic stability. On the other hand SRV has met western requirements to the extend which does not infringe on Vietnamese national interests. The article analyses Vietnamese tactics in two issues which have influenced diplomatic relations between Vietnam and the Western states in recent years namely the growing activity of the political dissidents and a situation with ethnic minorities of the Central Highlands.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

СИНДРОМЫ «ПСИХОЛОГИИ ТОЛПЫ» Г. ЛЕБОНА В МАССОВОМ ОБЩЕСТВЕННОМ ДВИЖЕНИИ В ГОДЫ ПЕРЕСТРОЙКИ (1985—1991 ГГ.)

С.А. Величко

Кафедра отечественной истории
Омский государственный технический университет
пр. Мира, 11, Омск, Россия, 644050

На примере анализа массового общественного движения в годы перестройки (1985—1991) в работе показано, как синдромы «психологии толпы», выявленные Г. Лебоном, очень ярко проявились в России в это время. Автор приходит к выводу, что массовое общественное движение сыграло решающую роль в процессе успешного прохождения демократического транзита в России.

Одним из выдающихся мыслителей конца XIX в. Г. Лебоном были отмечены основные черты психологии народов и масс в новейшее время. Своеобразным феноменом новейшей истории является синдром «психологии толпы» в переходную эпоху, когда на смену одним идеям, управляющим массами, приходят другие. В основе всех великих изменений цивилизаций всегда лежали изменения идей народов, так произошло и в годы перестройки. Но идеи, развиваясь, пишет Г. Лебон, претерпевают очень длинную эволюцию: «Образуясь очень медленно, они вместе с тем очень медленно исчезают. Став для просвещенных умов очевидными заблуждениями, они еще долгое время остаются неоспоримыми истинами для толпы» [1. С. 15]. Этим объясняется современный феномен ностальгии по СССР и советским временам у определенной, в основном старшего возраста, части населения. Социализм Г. Лебон называет крупнейшей иллюзией новейшего времени. Идеи социализма, которые были привиты целому ряду поколений советских людей и очень глубоко вошли в сознание граждан нашей страны, будут жить в массах еще некоторое время.

«Главной чертой новейшей эпохи, — считает Г. Лебон, — является замена сознательной деятельности индивидов бессознательной деятельностью толпы» [1. С. 122]. Период новейшей истории, в который вступил весь мир в конце XIX века, представляет собой, по его мнению, то критическое время, когда че-

ловеческая мысль претерпевает изменения. В основе изменений идей нашей цивилизации лежат два фактора:

1) разрушение религиозных, политических и социальных верований, давших начало всем элементам нашей цивилизации;

2) возникновение новых условий существования и совершенно новых идей, явившихся следствием современных открытий в области науки и промышленности [1. С. 125].

Наступающую эпоху Г. Лебон справедливо называет «эрой масс» и характеризует ее как время переходное и анархическое. Если раньше на протяжении практически всей цивилизованной человеческой истории все решала воля государей и политика государств, то в современную эпоху массы активно вмешиваются в политику и диктуют правительствам свою волю. Так произошло и в годы перестройки (1985—1991 гг.), когда активное вмешательство масс в корне изменило судьбу нашей страны и обеспечило быстрый отказ от коммунистических идей. Как нельзя лучше к характеристике ситуации, сложившейся в СССР к концу 80-х гг. XX века, подходят слова Г. Лебона: «Благодаря своей исключительно разрушительной силе толпа действует, как микробы, ускоряющие разложение ослабленного организма или трупа. Если здание какой-нибудь цивилизации подточено, то всегда толпа вызывает его падение» [1. С. 128]. СССР в конце 70-х — 80-е гг. вступил в период кризиса, советская система исчерпала потенциал саморазвития и далее прогрессировать уже не могла. Такие явления, как застой в экономике, всеобщий дефицит, огромные очереди за продуктами питания и предметами первой необходимости, распределение товаров по блату, коррупция, взяточничество являлись проявлениями глубочайшего кризиса советской системы. Дальнейшее прогрессивное развитие российского общества стало возможным только вне рамок советской системы, слом ее был предопределен. А массовые общественные движения антикоммунистического толка ускорили ее падение.

В массовом поведении граждан нашей страны в годы перестройки проявились следующие, выявленные Г. Лебоном, черты психологии толп: податливость к внушению, легковерие, инстинктивность, дух единства масс, внушаемость, заразительность идей. В этой заразительности идей терялась сознательная личность, преобладали преувеличение чувств, революционная мифология и нетерпимость, проявившая себя в «негативном консенсусе» по отношению к КПСС. Первоначально лозунгом, объединившим массы, стал ленинский «Вся власть Советам!» Под этим лозунгом прошла избирательная кампания по выборам народных депутатов СССР в 1989 г. В народном сознании этот лозунг понимался как изъятие властных полномочий из рук партийных функционеров и передача ее Советам. После I съезда народных депутатов СССР (май 1989 г.) и создания Межрегиональной депутатской группы во главе с А.Д. Сахаровым и Б.Н. Ельциным самыми популярными лозунгами становятся «Долой монополию на власть КПСС!», «Долой 6 статью Конституции СССР!» Смерть А.Д. Сахарова в декабре 1989 г. после того, как его захлопывали и засвистывали на II съезде народных депутатов СССР, не давали сказать слова, произвела на массы ошеломляющее действие, ло-

зунги стали все решительнее: «6 статья — убийца!», «Выберем депутатов, достойных А.Д. Сахарова!»

Благодаря заразительности идей чувства антипатии и неодобрения по отношению к КПСС, которые проявляли А.Д. Сахаров, Ю.Н. Афанасьев, Б.Н. Ельцин и др., в толпе превратились в самую свирепую ненависть. Этот эмоциональный настрой распространялся очень быстро посредством внушения, вызывал всеобщее одобрение, что в значительной степени способствовало увеличению его силы. Под давлением общественности на III съезде народных депутатов СССР, который состоялся в марте 1990 г., М.С. Горбачев был вынужден отменить 6 статью Конституции СССР, в которой некогда закреплялась руководящая и направляющая роль КПСС.

К 1990 г. М.С. Горбачев в глазах масс уже потерял то обаяние, которое он имел на первом этапе перестройки. Потерял он его, так как допустил оспаривание своего авторитета. По мнению Г. Лебона, «Оспаривание — самый действенный способ разрушения обаяния. Обаяние, которое подвергается оспариванию, уже перестает быть обаянием. ... Чтобы вызывать восхищение толпы, надо всегда держать ее на известном расстоянии» [1. С. 208]. М.С. Горбачев подпустил массы слишком близко к себе, провозгласив гласность, критику, самокритику, он дал возможность массам нелестно судить о нем. Массы любят сильных личностей, а всяческие уступки, на которые шел М.С. Горбачев, они рассматривали как слабость.

Но массе нужен был вожак. А.Д. Сахаров умер, знамя народного заступника поднял Б.Н. Ельцин. В народных массах благодаря мифологичности сознания толпы возобладала идеализированная оценка этой исторической личности. Но если следовать логике рассуждений Г. Лебона, народный лидер не обязательно должен быть крупным мыслителем, так как проницательность ведет к сомнениям и бездействию. Вожак должен быть человеком действия, глубоко преданным идее: «Вожак обыкновенно сначала сам был в числе тех, кого ведут; он также был загипнотизирован идеей, апостолом которой сделался впоследствии. Эта идея до такой степени завладела им, что все вокруг исчезло для него, и всякое противное мнение ему казалось уже заблуждением и предрассудком» [1. С. 193]. Презрение и преследование от власти усиливает силу влияния вожака. А Б.Н. Ельцин в народном сознании выглядел как лицо, пострадавшее от власти — осенью 1987 г. его сняли с поста первого секретаря Московского городского комитета КПСС. Напряженность его собственной веры, уверенность, что он действует в интересах народа, придавала словам Б.Н. Ельцина громадную силу внушения. Б.Н. Ельцин становится популярным в народных массах не потому, что предлагал хорошо разработанную программу действий, толпа обычно и не ждет этого, а потому, что он пострадал от власти. Это так называемый инверсионный тип лидерства, при котором признание лидера осуществляется не столько в соответствии с его собственными идеями и заслугами, сколько благодаря его преследованиям властными структурами [2. С. 24].

1990 г. стал годом противостояния союзной власти во главе с М.С. Горбачевым и российской во главе с председателем Верховного Совета РСФСР

Б.Н. Ельциным. В ходе этой борьбы активно использовались народные массы, в сознание которых внедрялись идеи особой суверенной политики России по отношению к союзному центру. Принятие «Декларации о государственном суверенитете РСФСР» 12 июня 1990 г. первоначально в массах было воспринято неоднозначно — как можно было проводить отдельную суверенную политику, когда столица РСФСР и СССР совпадали, функции управления и Союзом, и Россией были тесно переплетены. Отделение России от Союза означало разрушение российского государственного тела, которое создавалось и расширялось веками. Однако массам внушалось, что борьба за суверенитет России — это одновременно и борьба с коммунистической системой. В результате многократного повторения это утверждение становилось аксиомой. В поддержку Б.Н. Ельцина росло и ширилось движение «Демократическая Россия». Появились первые протопартии — такие организации, которые являлись прообразами будущих политических партий, объединения, в которых еще не произошла дифференциация социально-политических интересов и приоритетов. Объединяющей идеей для большинства протопартий стал антикоммунизм. Самыми крупными протопартиями в нашей стране в 1990 г. были Республиканская партия Российской Федерации (сплотила в своих рядах представителей Демократической платформы в КПСС, вышедших из партии после XXVIII съезда КПСС), Демократическая партия России (партия Н.И. Травкина — отличалась крайним популизмом, вступить в нее было очень просто — достаточно написать заявление, ряды ее быстро росли), Социал-демократическая партия России (партия интеллигентская по своему составу). При всем различии между этими организациями все они были организациями «негативного консенсуса» по отношению к КПСС. Некоторые историки называют эти объединения «политическими пигмеями» [3. С. 137] — численный состав их по сравнению с КПСС был невелик. СДПР объединяла 5 тыс. человек, ДПР — 50 тыс. чел., около 10 тыс. человек вошло в КПрФ (многие коммунисты, выйдя из КПСС, ни в какую другую партию не вступили). Но влияние протопартий и движения «Демократическая Россия» на массы было очень большим. Благодаря массовому внушению идеи отказа от социализма распространялись очень быстро. Лидеры КПСС же проявляли растерянность и ничего не могли противопоставить митинговой демократии. Партийные работники терялись при выступлениях на митингах, на встречах с избирателями, представители же протопартий были очень активны, напористы и умели отстаивать свою точку зрения.

На мартовских референдумах 1991 г. большинство электората поддержало идею сохранения обновленного СССР, т.к. граждане нашей страны даже не могли представить, что распад Союза возможен. Но в то же время на российском референдуме, который проходил одновременно с союзным, было поддержано введение в РСФСР поста Президента. Таким образом, население проявило лояльность и к союзной, и к российской власти. Установилось шаткое равновесие между коммунистическими силами и антикоммунистической оппозицией. Но введение поста Президента в РСФСР, безусловно, усиливало позиции российской власти. 12 июня 1991 г. на выборах Президента России в первом туре голосования (второй не понадобился) победил Б.Н. Ельцин. Одним из первых его мероприятий

стало принятие Указа о департизации предприятий и учреждений в июле 1991 г. Это был сильнейший удар по позициям КПСС. Коммунисты, снимаясь с учета в трудовых коллективах, не вставали на учет по месту жительства. Территориальные партийные организации стали объединять в основном коммунистов-пенсионеров. Некоторые региональные партийные организации заявляли протест по поводу департизации, но ЦК КПСС никак не отреагировало на эти заявления. У руководства КПСС не было уже сил на сопротивление российским властям.

Слабой попыткой взять ситуацию в стране под свой контроль был приход к власти в августе 1991 г. Государственного комитета по чрезвычайному положению, возглавляемого вице-президентом СССР Г.И. Янаевым. Но массы уже были равнодушны к предлагаемым ГКЧП социалистическим идеям, в коммунистическую перспективу мало кто верил. Большинство граждан нашей страны в решающие дни 19—21 августа 1991 г. проявили растерянность и не смогли определить своей позиции. Население ГКЧП не поддержало, но и активного противодействия по стране не было. Массы были организованы в г. Москве, именно в столице было оказано сопротивление ГКЧП. Здесь защитники демократии действовали смело и решительно, вдохновляя своим примером остальных. На защиту правительства России к Белому дому вышли многотысячные массы. Наступил такой момент, когда массы, по характеристике Г. Лебона, стали одухотворены, что происходит под влиянием сильных эмоций или великого национального события [1. С. 132]. Сработал выявленный Г. Лебоном закон духовного единства масс. Одухотворенные массы представляли собой временный организм, образовавшийся из разнородных элементов, на одно историческое мгновение соединившихся вместе [1. С. 134]. Большинство участников августовских событий инстинктивно понимали значимость этого решающего момента для нашей последующей истории. Именно активное участие масс решило исход событий. Августовские события завершились решающим триумфом Б.Н. Ельцина. После августа по декабрь 1991 г. шел процесс передачи дел от союзной к российской власти. К декабрю 1991 г. М.С. Горбачев фактически власть свою потерял, и осознание своего положения толкает его на «добровольную отставку» 25 декабря 1991 г.

Таким образом, в годы перестройки в России ярко проявились черты психологии масс и вождистского поведения, отмеченные Г. Лебоном. Это еще раз доказывает, что современная нам эпоха новейшей истории является эпохой активного участия масс в политической жизни, когда они перестают уже быть пассивными исполнителями решений, принятых наверху, а становятся активными субъектами политики. Как тут не вспомнить слова Г. Лебона: «В настоящее время ... голос толпы становится преобладающим. Массы диктуют правительству его поведение. Толпа составляет синдикаты, перед которыми капитулируют все власти» [1. С. 126]. Поэтому только те политические лидеры, которые понимают психологию масс и могут активно воздействовать на массы, становятся популярны и получают решительную народную поддержку. Но эту поддержку народа, не отвечая в дальнейшем своими действиями чаяниям масс, можно и легко утратить. Пример Б.Н. Ельцина доказывает это. Став необычай-

но популярным и обаятельным в глазах народа в годы перестройки, он утрачивает свое обаяние, и в кон. 90-х гг. XX в. вынужден так же, как и М.С. Горбачев в свое время, «добровольно» покинуть пост Президента. И это опять же произошло под давлением масс.

Массы, сами того не осознавая, под влиянием внушения и заразительности идей сыграли решающую роль в переходе нашей страны к демократической модели развития. Утрата веры в идеалы социализма произошла не в ходе самой перестройки. Наоборот, сама перестройка способствовала ускорению процесса разочарования в социализме. Или, говоря словами Г. Лебона: «Изменение ... установившихся верований достигается чаще всего лишь при помощи очень бурных революций, да и те в состоянии произвести это только тогда, когда верование почти совсем потеряло свою власть над душами. Революция же окончательно считает то, что и та уже совсем расшатано, но держится лишь благодаря привычке» [1. С. 209]. То, что перестройка по своей природе была революционным процессом, не подлежит сомнению, это было заявлено и самим М.С. Горбачевым, и сейчас этот тезис разделяется многими исследователями, например О.Н. Смолиным [4. С. 16—17].

В нашей стране на рубеже 80—90-х гг. произошли революционные изменения, которые большинство исследователей связывают с общемировыми процессами перехода к демократии. Демократический транзит в России на первом своем этапе — либерализация — прошел успешно. Т.Л. Карл, Ф. Шмиттер выделяют три этапа демократического транзита:

- 1) либерализация;
 - 2) формирование или восстановление гражданского общества;
 - 3) проведение справедливых выборов с неизвестным заранее результатом
- [5. С. 7].

Насколько успешно внедрена демократическая модель в нашей стране, зависит от процессов консолидации демократии, т.е. укоренения демократических традиций в российском обществе. Для периода консолидации демократии характерно разочарование приобретенной свободой и даже цинизм. Что мы можем наблюдать в массовом поведении граждан России сегодня. Определенная ностальгия по временам СССР — явление такого же рода. Но эти массовые явления должны быть преодолены. Успешной ли будет демократическая консолидация, зависит от того, будут ли способны политики и рядовые граждане сотрудничать и конкурировать между собой свободным образом на основе приемлемого для всех набора правил.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Лебон Г. Психология толп. — М.: Ин-т психологии РАН, Изд-во «КСП», 1999.
- [2] Пригожин А.И. Патологии политического лидерства в России // Общественные науки и современность. — 1996. — № 3.
- [3] Кузнецов И.С. Рецензия на кн.: Величко С.А. Общественно-политическая жизнь Сибири (1985—1991) // Гуманитарные науки в Сибири. — 2007. — № 2.
- [4] Смолин О.Н. Политический процесс в современной России. — М., 2004.

- [5] *Карл Т.Л., Шмиттер Ф.* Демократизация: концепты, постулаты, гипотезы (Размышления по поводу применимости транзитологической парадигмы при изучении посткоммунистических трансформаций) // *Полис*. — 2004. — № 4.

**SYNDROMES OF «PSYCHOLOGY OF CROWD»
OF LE BON G. IN THE MASS SOCIAL MOVEMENT
DURING PERESTROIKA (1985—1991)**

S.A. Velichko

The Department of Russian History
Omsk State Technical University
prosp. Mira, 11, Omsk, Russia, 644050

By the example of the analysis of the mass social movement during Perestroika (1985—1991) the article shows how syndromes of «psychology of crowd», discovered by Le Bon G., very lightly demonstrated in Russia at this time. The author comes to the conclusion that the mass social movement played decisive role at the successful process of the democratic transit in Russia.

РЕАЛИЗАЦИЯ ФЕДЕРАЛЬНОГО ПРОЕКТА КАК ШАГ К ДИАЛОГУ КУЛЬТУР*

В последние годы многие университеты страны работают над решением проблемы модернизации высшей школы. Российский Университет дружбы народов относится к их числу, и именно поэтому он принял участие в общероссийском конкурсе инновационных образовательных программ (ИОП) высших учебных заведений 2007 г., став одним из победителей.

В работе над одним из трех проектов, реализуемых в РУДН, «Развитие мультикультурной образовательной среды международного классического университета», принимают участие ученые 5 кафедр факультета гуманитарных и социальных наук (всеобщей истории, истории философии, социальной философии, сравнительной политологии, политических наук). Благодаря усилиям ученых этих кафедр уже сейчас написаны 24 программы (из них 21 — для магистров, 3 — по системе дополнительного образования), а к концу 2008 г. появятся новые на бумажных носителях и электронные учебники.

Также на факультете модернизирован аудиторный фонд, преподаватели прошли курсы повышения квалификации.

Особенностью реализации проекта на факультете является то, что большинство из программ являются двусторонними (РУДН — Институт политических исследований Бордо-4; РУДН — Бременский Университет; РУДН — Университет Париж-8). Реализация подобных программ позволит удовлетворять потребности студентов — бакалавров и магистров, граждан не только Российской Федерации, но и зарубежных государств, в получении высококачественного образования по перспективным специальностям и направлениям подготовки.

Инновационные курсы и программы, разрабатываемые на ФГСН, призваны сменить парадигму просветительско-знаниевого подхода на парадигму компетентности. Ярким свидетельством тому являются сами названия учебно-методических комплексов: «Восток-Запад: история и конфликты в современном мире», «Философская компаративистика», «Архетипы философских культур Запада и Востока», «Ислам и политика», «Европейский Союз и Россия: политическое и социокультурное измерение», «Проблемы взаимоотношения власти и бизнеса в современной России» и другие.

По словам профессора Гречко П.К., заведующего кафедрой социальной философии, работающего над совместной программой с Университетом Париж-8 «Философия и диалог культур»: «Работа над созданием подобных программ —

* Публикуется в рамках размещения материалов об ИОП в федеральных и региональных СМИ.

это прекрасный пример диалога культур, о котором сейчас так много говорят и хорошая возможность убедиться в жестких требованиях глобального рынка образовательных услуг. В ходе реализации проекта мы проясняем для самих себя реальный экспортный потенциал нашей отечественной системы образования. В любом случае, речь идет о взаимопользном обмене опытом».

Зам. декана по информатизации
и связям с общественностью
факультета гуманитарных и социальных наук
Е.В. Кряжева-Карцева

**REALIZATION OF FEDERAL PROJECT AS A STEP
TOWARDS THE DIALOG OF CULTURES**

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

МЕНЕДЖМЕНТ КОМПЕТЕНЦИЙ: СТРАТЕГИИ УПРАВЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМИ РЕСУРСАМИ. МАТЕРИАЛЫ «КРУГЛОГО СТОЛА» СОТРУДНИКОВ РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ

Кафедра сравнительной политологии
Российский Университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10а, Москва, Россия, 117198

18 февраля 2008 года на факультете гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов был проведен «круглый стол»: «Менеджмент компетенций: стратегии управления человеческими ресурсами». Заседание «круглого стола» было подготовлено кафедрой сравнительной политологии РУДН.

ВЫСТУПЛЕНИЯ ДОКЛАДЧИКОВ

Ю.М. Почта

ВЛИЯНИЕ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА УПРАВЛЕНЧЕСКУЮ ТРАДИЦИЮ СТРАТЕГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ РЕСУРСОВ

В последнее десятилетие центр исследований в области социологии, экономики и политологии, как России, так и за рубежом, сместился в сторону изучения человеческих ресурсов и перспектив их развития. Страны, обеспечивающие высокое качество человеческих ресурсов, обеспечивают не только высокие темпы развития, но и высокий уровень жизни населения. Эффективное использование высокоуровневых человеческих ресурсов позволяет достигать не только экономических либо научных успехов. Политические решения, принятые и реализованные профессиональными, компетентными, мотивированными госслужащими и «управленцами», являются поразительно эффективными, оказывая мультипликативный эффект на все сферы общественной жизни. Уже давно доказано на примере ряда стран, что стратегическое развитие человеческих ресурсов и их эффективный менеджмент могут компенсировать нехватку иных модернизационных, политических или военных ресурсов. Представляется, что в современных условиях для России с особой остротой актуализируются

проблемы эффективности управления ресурсами и повышения качества управленческих решений. Россия столкнулась с все более увеличивающимся кризисным дефицитом большинства стратегических и модернизационных ресурсов, и только сверхэффективные управленческие решения и «прорывные» технологии (в том числе и в гуманитарной сфере) могут решить стоящие перед страной сверхсложные задачи. Это является жизненной необходимостью для развития и даже выживания всего общества. В политической культуре России постепенно осознается тот факт, что прежде считавшиеся практически неисчерпаемыми ресурсы, такие, как территория, вода или человеческие ресурсы отнюдь не являются безграничными. Не являются они и неизменной данностью. Хочется верить, что последовательное осознание этого факта заменит доминирующее эксплуататорское отношение к этим ресурсам на развивающее и берегающее.

В то же время еще одной специфической особенностью отечественной политической культуры применительно к стратегии развития человеческих ресурсов является отсутствие ограничителя, а также ее «маятниковость»: либо тоталитарное вмешательство в жизнь и судьбы людей, либо такая степень индифферентности власти, которую в наше время не может себе позволить даже самое либеральное из современных западных правительств. Еще одна особенность политической культуры — установка на мобилизационное развитие в экстремальном режиме существования общества. Однако, учитывая современное сокращение количественного и качественного потенциала человеческих ресурсов в России, для очередного мобилизационного рывка их может просто оказаться недостаточно.

В настоящее время сформировались и получили широкое распространение представления о «постиндустриальном обществе», об «обществе знаний», о менеджменте знаний как главной задаче управления корпорациями и более широко — управления социально-экономическими системами. В социологии управления утверждается новый подход, согласно которому успех организации в достижении ее целей определяется в первую очередь не доступом к финансовым или иным материальным ресурсам, но умением менеджмента использовать человеческий потенциал организации, формировать культуру, позволяющую организации самообучаться, аккумулировать знания и навыки, обеспечивающие высокую эффективность организации, ее конкурентные преимущества.

В современных условиях управление человеческим ресурсами становится решающим фактором успеха как отдельной организации, так и всего социума. Сам процесс такого управления все более усложняется. Меняющийся характер труда, количественный и качественный рост специалистов приводит к возрастанию роли индивидов, с их особыми качествами, ценными для выполнения работы.

В середине 1970-х годов ведущие страны мира вступили в информационную стадию развития, характерными признаками которой являются ориентация процесса производства на формирование спроса, а не только на удовлетворение его, интеллектуализация труда, приоритет знаний и образования, полнота человеческой жизни. В конце 1980-х годов в компании «General Electric» лишь 40% персонала было занято непосредственно в материальном производстве. Сейчас

на одно рабочее место в машинно-ручном производстве нередко приходится 3—4 и более «белых воротничков». Если раньше смена поколений техники происходила одновременно со сменой поколений непосредственных производителей, то сейчас в интервале одного поколения людей (в течение 40 лет) происходит смена нескольких поколений техники. Сроки старения знаний составляют от 5 до 7 лет в наиболее быстро развивающихся научных направлениях, до 10—12 лет во многих отраслях науки и техники и до 15 лет в некоторых научно-прикладных отраслях знания и инженерно-технических специальностях. Поэтому если раньше приобретенных знаний хватало работнику на весь период его трудоспособного возраста, то теперь существует необходимость их постоянного совершенствования и обновления с учетом опережения. К началу 90-х гг. XX в. средняя продолжительность подготовки рабочей силы в ведущих странах поднялась до уровня 14 лет обучения. Высшее и среднее специальное образование становится базовым для многих профессий. Сегодня $\frac{1}{3}$ рабочих мест США требует высшего образования, еще $\frac{1}{3}$ — полного среднего и только $\frac{1}{3}$ — образования ниже 12 лет. В ЕС эти требования еще выше. Компании США уже в начале 90-х гг. XX в. тратили на обучение и развитие персонала почти 45 млрд долларов в год. Кроме того, чем динамичнее изменяется производство, тем более мобильным становится и сам работник. Развитие техники и технологии, изменение стиля жизни, системы ценностей и мотиваций радикально воздействуют на личностные характеристики человека, повышают его информированность, активность, образовательный и культурный уровень, стремление к творчеству и самореализации во всех видах деятельности. По словам О. Тоффлера, создается «новый тип работника — это творческий тип, сочетающий знание, инициативу и способность воплотить идею в дело». На смену уходящим в прошлое традиционным профессиям среднесложного, а зачастую и высококвалифицированного ручного труда приходят новые, для овладения которыми работнику требуется высокий уровень общего образования. Установлено, что рост уровня образования на один класс средней школы обеспечивает в среднем рост числа подаваемых рационализаторских предложений на 6%, сокращает сроки освоения рабочими новых операций.

На этом фоне обращают на себя внимание негативные процессы и тенденции, отчетливо заметные в современной России. В контексте анализа развития человеческих ресурсов речь идет в первую очередь о больших людских потерях, стремительном численном сокращении человеческих ресурсов, не утратившем своей динамики за последние годы.

Так, согласно докладу МЭРТ от апреля 2007 г., в России все более явной становится проблема ресурсов. В первую очередь — ресурса человеческого. Сокращение численности населения прогнозируется на уровне 500 тысяч человек в год. Трудоспособного населения в России к 2010 году станет меньше на 2,5 млн человек. Согласно исследованиям ИСЭПН РАН, к 2016 г. население России сократится до 110—112 млн человек. Показательна точка зрения бывшего министра регионального развития В. Яковлева: «У нас некому будет работать, сегодня нехватка здоровых мужчин в экономике такова, что ее впору сравнивать с потерями

СССР в годы Великой Отечественной. Из 20 млн мужчин трудоспособного возраста примерно 1 млн в заключении, около 4 млн — «под ружьем» в системах МВД, МЧС, ФСБ, еще до 4 млн — хронические алкоголики и до 1 млн — наркоманы. Трудятся, таким образом, всего 10 млн». Конечно, заявление министра является излишне пессимистичным, однако во многом текущую динамику оно передает верно. Пессимизм министра подтверждают и ученые. Центр демографии и экологии человека Института народно-хозяйственного прогнозирования РАН, к примеру, предупреждает: абсолютная убыль трудоспособного населения начнется в России в 2008 г. Это означает, что число трудоспособных в год будет уменьшаться на 800 000 — 1 млн человек. Главные причины — рост смертности, по которому мы рискуем опередить даже страны третьего мира. Одновременно усилится отток иностранных рабочих из европейских стран СНГ. По расчетам Института народно-хозяйственного прогнозирования РАН, в скором времени сразу три города — Ростов-на-Дону, Волгоград и Пермь — могут утратить статус городов-миллионников.

Потери человеческих ресурсов растут лавинообразно на фоне сокращения рождаемости и уже давно приняли угрожающие масштабы. Особенностью современного состояния является то, что потери имеют угрожающие масштабы практически во всех сферах, будь то «утечка мозгов», «небоевые потери» в армии, ДТП, отравления контрафактным алкоголем, смерть от употребления наркотиков, инфекционные заболевания, сердечно-сосудистые заболевания и пр. Такая статистика наводит многих аналитиков даже на мысли о фактическом галопирующем вымирании населения.

В частности, в статье И. Медведевой и Т. Шишовой утверждается, что «в России созданы невыносимые условия для рождения и воспитания нескольких детей. Параллельно государство активно насаждает и поддерживает службы „планирования семьи“». Общие потери населения РФ за 1990-е гг., согласно И. Гундарову, составили 17 млн человек. Средняя продолжительность жизни составляла в 1986—1987 гг. (в РСФСР) — 70,13 года, в 2000 г. она составляла 65,3 года. С 2000 по 2006 гг. численность населения в России сократилась на 3 млн. Особенно обращает на себя внимание резкое уменьшение числа детей, почти двукратный по сравнению с уровнем РСФСР рост детской смертности до года, спад детородной активности у женщин всех репродуктивных возрастов (суммарный коэффициент рождаемости, т.е. число детей, приходящихся на 1 женщину 15—49 лет, упал от 2,2 в 1986—1987 гг. до 1,2 в 2000 г. Как известно, для простого воспроизводства населения его величина должна составлять 2,3—2,5). По данным газеты «Версия», численность несовершеннолетних инвалидов за последние годы выросла более чем в 10 раз, число беспризорных детей в стране, по разным данным, оценивается в 1—2 млн человек, а в летний период их число достигает 3,5—4 млн чел. 75% ВИЧ-инфицированных, 80% наркоманов составляют молодые люди от 15 до 29 лет. Россия действительно лишается будущего. Положение в России напоминает то, что в биологии называют «эффектом Олли»: популяция существует, но в силу определенных причин подорваны условия воспроизводства новых поколений.

Наблюдается также качественная деградация человеческих ресурсов. Она идет параллельно деградации сфер здравоохранения, образования, безопасности и культуры. В 2007 г., согласно ежегодному докладу Программы развития ООН «Индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП)», Россия занимает лишь 67 место в мире по уровню развития человеческого потенциала. Этот рейтинг колеблется от 57-го места в 1993 году до 71 в 1997.

Уже общепризнанно, что одним из основных тормозов на пути экономического развития России является значительное отставание в области развития человека. По данным ООН, ожидаемая продолжительность жизни 30% российских граждан ниже 60 лет. Это самый неблагоприятный показатель среди всех промышленно развитых стран. По уровню грамотности взрослого населения Россия сохраняет пока равное положение с большинством развитых стран. Однако на образование расходуется 3,5—4,1% от ВВП, на здравоохранение 3—3,2%. Доля России в мировом фонде патентов достигает 1,5%, тогда как у США — 30%, Германии — 20%, Японии — 10%, Франции — 8%, Великобритании — 7%. В итоге профессионально-квалификационный уровень большинства российских рабочих понизился и уже не соответствует международным требованиям. По-прежнему более половины работающих заняты, в основном, простым неквалифицированным трудом или традиционным трудом средней сложности. Большое число работодателей не вкладывает достаточных средств в повышение интеллектуального уровня персонала. Основная масса работников не заинтересована в повышении профессиональной квалификации и росте производительности труда.

В 1992—1998 гг. производительность труда в российской промышленности снизилась на 9%, а в Германии, США, Великобритании и Франции существенно возросла (соответственно на 36%, 27%, 27% и 18%). Таким образом, в настоящий период проблемой, требующей безотлагательного решения, является формирование качественно нового работника, личностный потенциал которого соответствует современным требованиям.

Уровень человеческих ресурсов напрямую влияет на конкурентоспособность экономики России. По мнению экспертов организации World Economic Forum, слабость государственных институтов и «утечка мозгов» являются основными препятствиями на пути роста конкурентоспособности экономики России и возвращения ее на передовые позиции мировой фундаментальной науки. Авторы доклада Global Competitiveness Report 2007 утверждают, что главной заботой властей должны стать улучшение демографической ситуации, правильное использование человеческих ресурсов и поощрение инноваций.

В РФ в валовом внутреннем продукте уровень оплаты труда составляет чуть больше 30%, тогда как в развитых странах эта цифра колеблется от 60 до 70%. Ограничения в экономическом взаимодействии между различными составляющими совокупного населения приводят к негативным последствиям. Структура общества в России очень сильно поляризована: 70% населения обладает менее чем 10% всех накоплений, а 0,2% (100 тыс. домохозяйств) — 70% национального богатства. По разным оценкам, стратификация населения России определяется следующими данными: богатых и очень богатых 2—4%, «средний класс» 15—

29%, бедных и обнищавших 70—75%. В нашей стране сейчас т.н. «двугорбое» общество, единый средний класс отсутствует. Такое распределение характерно для отсталых и развивающихся стран.

В нынешней экономико-управленческой парадигме имеющиеся человеческие ресурсы недостаточно эффективно используются, наличествует структурная безработица, неполная занятость. Значительное количество квалифицированных специалистов работают не по специальности. Впрочем, и при умеренном уровне безработицы ситуация осложняется. Чисто российская специфика — сравнительно высокий уровень занятости при низком уровне оплаты труда (особенно в бюджетном секторе), неоправданно низкий МРОТ. Согласно расчету минимального потребительского бюджета, в России 40—50% населения находится за чертой бедности. В стране произошла сегрегация по доступности образования, здравоохранения и культуры.

Для разрешения накопившихся кризисных тенденций необходимо активное участие государства в процессе реформирования экономики и общества, проведение в жизнь эффективной государственной модернизационной стратегии. Нам представляется, что в условиях России традиционно государство играет ключевую роль в этом процессе.

М.М. Мchedлова

**ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА
В КАЧЕСТВЕ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ФАКТОРА РАЗВИТИЯ
ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ РЕСУРСОВ И ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА**

Процесс реформирования образования в современной России связан с распадом СССР и появлением России на международной арене в качестве суверенного государства. Тот факт, что первые попытки реформирования отечественной системы образования пришлись именно на период коренной ломки всей социально-экономической структуры российского общества, значительно осложнил условия, в которых происходили преобразования. Широкая общенациональная дискуссия по вопросам перспектив образования в современной России, развернувшаяся в последние годы, выявила, по крайней мере, три основных подхода к назревшим преобразованиям и выражающим их стратегиям: развитию, реформированию и модернизации. Причем если в 90-е годы XX в. государством разрабатывались и осуществлялись различные концепции реформирования российского образования, то в начале XXI века начала формироваться концепция модернизации.

Необходимость регулирования сферы образования в новых условиях потребовала принятия целого ряда правовых документов. Первым таким документом стал Федеральный закон «Об образовании» от 10 июля 1992 года. В принятом законе подчеркивалась приоритетность для государства образовательной сферы. Государство принимало на себя обязательства по финансированию образования: 10% от ВВП. Этот документ закрепил принципы реформирования образования России, такие как: отказ от монополии государства на образование, ориентирование на автономию и децентрализацию управления образовательными учрежде-

ниями, демократизация образования, многовариантность и открытость инновациям, регионализация образовательных систем, учет национальных особенностей, гуманизация содержания образования и гуманитаризация образования и др. Принципиально важным и новым является фиксация законом правовой базы возникновения негосударственного сектора в сфере образования.

Содержащиеся в Федеральном законе «Об образовании» положения нашли свое подтверждение в принятой в 1993 году Конституции РФ, определившей общие законодательные рамки функционирования системы образования в Российской Федерации. В статье 43 Конституции закреплена всеобщность права на образование, гарантируется общедоступность и бесплатность, в том числе для высшего образования на конкурсной основе, а также введение федеральных государственных образовательных стандартов, реализация которых осуществляется за счет федеральных ресурсов.

В целом, с принятием закона «Об образовании» начался первый этап реформ. Значение этого документа и периода весьма велико. Во-первых, была разработана и юридически закреплена новая философия образования и идеология его реформирования. Во-вторых, был осуществлен слом старой советской модели образования и образовательной политики, сменился тип и характер этой политики. В-третьих, произошло раскрепощение школы и включение главного ее ресурса — свободы. В-четвертых, была разработана и стала реализовываться комплексная программа реформирования и развития образования. Однако отсутствие в государстве стратегии развития национального образования, а также обеспечения соответствующей законодательной базой и необходимыми финансовыми ресурсами лишь обострили проблемы в данной области. Запуск рыночных механизмов в такой традиционно социальной сфере, как образование, привел к освождению властных государственных структур от полного бюджетного финансирования системы образования. Широкое распространение получили платные образовательные услуги, которые во все большей мере стали вытеснять обучение и подготовку кадров за государственный счет. В результате государство фактически потеряло монопольное право выступать заказчиком в образовании, в подготовке специалистов и каким-либо образом контролировать в целом образовательные процессы, а также были подорваны социальные и экономические гарантии прав граждан на образование.

Закономерно, что попытки реформировать систему образования с самого начала были отвергнуты ректорским корпусом высшего образования и российским обществом в целом. По этому поводу академик В.А. Садовничий, например, обратил внимание на основной императив реформы, согласно которому образование должно было стать самоокупаемо, выгодно, прибыльно. Это утверждение, по его мнению, выглядит «не просто спорным, но и по-дилетантски преступным по отношению к будущему своей страны и народа». Реформаторы так называемой эпохи «романтического демократизма» «под словесной оболочкой приближения нашей системы образования к международным стандартам образования фактически способствовали углублению кризиса отечественной системы образования, достижения которой были признаны во всем мире».

Результатом рыночных преобразований первой половины 90-х годов XX века явились не оптимизация существующей системы, а разрушение исторически сложившегося образования в России. Однако, на наш взгляд, можно отметить и положительный результат этого периода — государство и общественность пришли к пониманию того, что рынок в образовании, понимаемый как абсолютно свободная, совершенно неконтролируемая и неограниченная игра частных интересов, — вещь недопустимая. Рыночные механизмы в сфере образования требуют вмешательства общества и (от его имени и в его интересах) государства.

Таким образом, итогом начального этапа реформ в сфере образования стало противоречие между декларируемой государством приоритетности сферы образования и политикой «ухода» из образования.

Со второй половины 90-х годов XX века начался новый этап по реформированию образования. Основой нового этапа стали положения утвержденной в 1994 году Федеральной программы «Развитие образования в России» и принятие Правительством РФ в январе 1997 г. решения о необходимости выработки концепции реформирования системы образования. В августе 1997 г. Правительству России была предложена Концепция реформирования образования (разработчики В. Кинелев, Э. Днепров и А. Адамский), основанная на идее «саморазвития реформируемых систем». Саморазвитие, по мнению разработчиков, должно было стать «доминирующей тенденцией, базовым процессом на переходном этапе реформы, происходящей достаточно независимо от того, что происходит в верхних эшелонах власти, включая и власть образовательную...». В целом данная концепция реформирования образования была декларативна, имела общий характер и была в большей степени ориентирована на совершенствование системы образования в целом.

Наряду с официальной была разработана альтернативная концепция реформирования системы образования (Г.А. Балыхин, Т.Л. Клячко, Я.И. Кузьминов, Л.И. Якобсон). Суть концепции заключалась в том, что, обладая ограниченным инвестиционным ресурсом, государство должно выбрать несколько приоритетов — национальных точек роста. По мнению авторов концепции, важно определить параметры необходимых инвестиций в образование, расширить сферу ответственности общества в управлении образованием. Общество не может экономить на образовании, но и образование обязано эффективно использовать свои ресурсы — как выделенные государством, так и заработанные на рынке. Именно в образовании необходимо отработать новую экономическую и правовую модель организации социально-культурной сферы.

В этот период продолжилось формирование нормативно-правовой базы образования. Новая редакция 1996 г. Федерального закона «Об образовании» подтвердила приоритетность сферы образования для государства, основополагающие принципы государственной политики в области образования, государственные гарантии прав граждан Российской Федерации в области образования. В реализации своих функций и интересов в области образования российское государство, согласно Закону, оставило у себя такие рычаги управления, как уста-

новление государственных образовательных стандартов, лицензирование образовательной деятельности, государственная аттестация и аккредитация образовательных учреждений, нормативы финансирования образовательных учреждений.

Основой государственных гарантий получения гражданами Российской Федерации образования в пределах государственных образовательных стандартов является государственное и (или) муниципальное финансирование образования. Доля расходов на финансирование высшего профессионального образования не может составлять менее 3% расходной части федерального бюджета. Согласно Закону, в целях привлечения инвестиций в систему образования государство предусматривает специальную систему налоговых льгот предприятиям, учреждениям и организациям независимо от их организационно-правовых форм, а также физическим лицам, вкладывающим свои средства в развитие системы образования Российской Федерации.

Были приняты и другие законодательные акты, регулирующие функционирование образовательной сферы. Закон «О высшем и послевузовском образовании» от 22 августа 1996 г. определил основные положения государственной политики и государственные гарантии прав граждан Российской Федерации в области высшего и послевузовского профессионального образования, зафиксировал принцип автономии вузов и характер их академических свобод. В Законе говорится, что государство «содействует созданию и функционированию негосударственных высших учебных заведений». Принятый ранее Гражданский кодекс Российской Федерации ввел в правовое поле понятие некоммерческой организации. Закон «О некоммерческих организациях» от 12 января 1996 г. подвел нормативную базу под процесс разгосударствления образовательных учреждений. В законе описан тип организаций, ориентированных на использование полученных доходов исключительно на уставные цели.

Таким образом, во второй половине 90-х годов XX века государственная политика в сфере образования Российской Федерации была направлена на разгосударствление образовательных учреждений. Закон «О некоммерческих организациях» и Гражданский кодекс Российской Федерации должны быть отнесены к числу законодательных актов, регулирующих ход и динамику реформы в сфере образования. Главная же задача — создание нового государственного механизма в интересах развития всей системы образования применительно к условиям становления рыночной экономики — не решалась. В целом в этот период продолжалась стагнация образовательной системы.

Этап концептуального осмысления проблем образования начался с принятием в апреле 2000 г. Федеральной программы развития образования на 2000—2005 годы и Национальной доктрины образования в Российской Федерации, призванной задать стратегию развития образования до 2025 года с позиций роста его качества и создания условий его предоставления. В целом, Федеральная программа развития образования на 2000—2005 годы охватывает все девять его уровней — от дошкольного до послевузовского — и в соответствии с Законом «Об образовании» определяет организационные основы государственной политики Российской Федерации. Реализация Программы развития образования

должна была способствовать преодолению кризисных процессов в системе образования и заложить фундамент для ее динамичного развития в перспективе. Однако в Программе не было ясно сформулированных приоритетов: как принципиально важные, так и второстепенные меры представлены бессистемными перечнями. Все это свидетельствует о декларативности документа и его оторванности от реальных процессов, происходящих в системе образования России.

В начале XXI века по инициативе Президента Российской Федерации В.В. Путина был взят курс на комплексную и глубокую модернизацию отечественного образования. Для более глубокого понимания явлений, происходящих в образовательной политике России на этом этапе, следует обратиться к деятельности ЮНЕСКО в сфере развития мирового образовательного процесса. Россия принимает активное участие в процессе реализации Программ ЮНЕСКО «Образование для всех», «Образование в течение жизни» и др. Представители Министерства образования и науки участвовали во Всемирном форуме в Дакаре (2000 г.), во встрече министров образования в Кракове (2000 г.) и в Пекине (2001 г.), где ключевыми аспектами обсуждения были следующие:

- всеобщий доступ к обучению;
- содействие обеспечению равенства;
- улучшение условий для образования;
- укрепление партнерских связей.

В Дакаре, при участии России, были приняты «Дакарские рамки действий. Образование для всех: выполнение наших общих обязательств», которые поддерживают Всемирную декларацию об образовании для всех, сохраняющую свою актуальность и действенность, и устанавливают новые цели с учетом опыта прошлых десятилетий и меняющейся глобальной обстановки. Опыт деятельности ЮНЕСКО в сфере обеспечения доступа к образованию, улучшения условий для получения высшего образования и развития международных образовательных и культурных связей представлял значительный интерес для российской системы образования в условиях взятого курса на модернизацию.

Аргументация в пользу существенных изменений в системе российского образования с учетом объективных общих тенденций мирового развития применяется в Концепции модернизации российского образования на период до 2010 года, в которой роль образования определяется задачами перехода к демократическому и правовому государству, к рыночной экономике, необходимостью преодоления опасности отставания страны от мировых тенденций экономического и общественного развития. Особое внимание в Концепции обращено на ускорение темпов развития общества, расширение возможностей политического и социального выбора, на необходимость повышения уровня готовности граждан к такому выбору. В ней говорится о переходе к постиндустриальному, информационному обществу, что требует значительного расширения масштабов межкультурного взаимодействия и делает необходимым воспитание детей коммунибельными и толерантными. В Концепции обращено внимание на то, что глобальные проблемы, в том числе развитие рыночных отношений в сфере образо-

вания, могут быть решены лишь в результате сотрудничества в рамках международного сообщества.

Так, в начале XXI века страной взят курс на приведение российской системы образования в соответствие с европейскими требованиями и вхождение России в Болонский процесс. Основное внимание было сосредоточено на нескольких направлениях:

- введение двухуровневой системы обучения;
- введение кредитной системы;
- контроль качества образования;
- обеспечение академической мобильности.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

— в России образование является приоритетной сферой деятельности государства, использующего его для решения задач стратегического характера, основные тенденции российской образовательной политики складывались на общем фоне усиливающихся процессов глобализации;

— в конце XX — начале XXI века важнейшими решениями для России стали следующие решения: отказ от монополии государства на образование, ориентирование на автономию и децентрализацию управления образовательными учреждениями, демократизация образования, многовариантность и открытость инновациям, учет национальных особенностей. Принципиально важным и новым является фиксация законом правовой базы возникновения негосударственного сектора в сфере образования;

— реформирование экономики образования формировалось на трех основных приоритетах: борьба за увеличение бюджетного финансирования системы образования, создание нового механизма бюджетного финансирования образования, привлечение внебюджетных источников финансирования и связанные с этим проблемы экономической самостоятельности образовательных учреждений;

— динамику процесса реформирования можно проследить по принятию документов, регламентирующих образовательную политику страны: Федеральный закон «Об образовании», Федеральная программа «Развитие образования в России», Федеральный закон «О высшем и послевузовском профессиональном образовании», Концепция модернизации российского образования на период до 2010 года; Гражданский кодекс Российской Федерации, Закон «О некоммерческих организациях», Национальная доктрина образования в Российской Федерации на период до 2025 года;

— участие России в Болонском процессе обусловлено рядом факторов:

во-первых, с усилением процессов глобализации в образовании;

во-вторых, становлением в стране рыночных отношений, в том числе в сфере образования;

в-третьих, членством России в ВТО, особенно участием в Генеральном соглашении в торговле услугами (GATS).

Процесс реформирования образования в России связан с распадом СССР и появлением России на международной арене в качестве суверенного государст-

ва, в котором начались процессы становления рыночной экономики. В 90-е гг. XX в. была проделана значительная работа по разработке политики в сфере образования Российской Федерации. Однако реформирование часто осуществлялось посредством переноса тех или иных западных образовательных моделей на российскую почву без учета ее исторических и национальных традиций. Этап концептуального осмысления образовательной политики начался в 2000 г., когда был взят курс на комплексную и глубокую модернизацию отечественного образования, продолжающийся в настоящее время.

Д.Б. Казаринова

**ДИНАМИКА ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ РЕСУРСОВ. ГУМАНИТАРНЫЙ ФАКТОР
И ЦИВИЛИЗАЦИОННО-КУЛЬТУРНЫЙ ПОДХОД**

Управление человеческими ресурсами является одним из важнейших аспектов теории и практики управления в целом и публичного администрирования в частности.

Человеческий ресурс в настоящее время является не просто новым восприятием человеческого фактора в экономике, он сам по себе гораздо более значим, поскольку представляет и движущую силу, и объект воздействия. В сфере политики эта тенденция не является новой: человек был, есть и в еще большей степени будет субъектом политических отношений. В настоящее время вследствие усиления личностного начала в структуре потребностей и ценностей, доминанты интеллектуального и культурного потенциалов среди источников роста материального богатства и повышения уровня жизни человек становится субъектом, а не фактором экономической системы. Превращение информации и знаний во все более значимый фактор производства приводит к фундаментальным изменениям в характере труда и капитала. Человеческий капитал начинают рассматривать как главное производственное отношение современного общества. Накопление человеческого капитала и использование потенциала человеческих ресурсов оказывает влияние на результативность экономического развития, на социально-экономические показатели, на уровень жизни, а в политической сфере — на стабильность социально-политического развития и роль того или иного государства в мировом политическом процессе.

Воплощая в себе сочетание двойственной природы социального и материального, человеческий ресурс имеет ряд неоспоримых преимуществ перед материально-вещественными ресурсами, позволяющих выделить его в качестве важнейшего ресурса и фактора экономического развития. Большая часть всех ресурсов общества представлена материальными объектами, стоимость которых со временем снижается посредством амортизации, а ценность человеческих ресурсов с годами может и должна возрастать.

В информационном обществе главный источник производительности заключается в технологии накопления знаний, обработки информации и символической коммуникации. Кроме того, новое постиндустриальное информационное общество настроено на технологическое развитие, т.е. на накопление знаний

на более высоком уровне сложности в обработке информации. В связи с этим человеческий капитал как главная форма проявления накопления знаний при анализе человеческих ресурсов выходит на первый план.

Новая экономика XXI века — это экономика, базирующаяся на знаниях и информации, на развитии человеческих ресурсов, на инвестициях в человеческий фактор. Экономика, основанная на знаниях, означает, что главный ее ресурс — люди. Очевидно, что устойчивый экономический и социальный рост предполагает инвестиции в человеческий фактор — образование, здравоохранение, технологии, инфраструктуру. Все это становится еще более актуальным в связи с глобализацией и развитием информационных технологий. На Западе в связи с этим появился термин «когнитариат», обозначающий новый средний класс, объединенный на основе владения цифровыми информационными технологиями. В перспективе ему предстоит стать новым «правлящим классом» (в терминах классового подхода).

Для развития человеческого потенциала необходимо строить общество, основанное на знании, аккумулируя социальную и политическую волю нации. Создание общества, основанного на знании, в политическом и экономическом отношении тесно связано с приданием государственным органам и промышленности человеческого измерения, транспарентности, продуктивности и интеллектуального измерения. В этом смысле понятие общества, основанного на знании, идет дальше экономики, основанной на знании. Общество знания может руководить экономикой знания, но не наоборот.

Существует принципиальное различие категорий «человеческий капитал» и «человеческие ресурсы». Категория «человеческий капитал» применяется при рассмотрении конкретного человека. С точки зрения государства, общества и бизнеса правомернее говорить о человеческом ресурсе, участвующем в создании нового продукта. Обосновано, что для коммерческих компаний в настоящее время понятие «трудовые ресурсы» трансформируются в понятие «человеческий ресурс». Подобная смена терминов позволяет зафиксировать качественные изменения рабочей силы в условиях НТР, когда более образованные работники вносят больший вклад в создание продукта.

Человеческие ресурсы — это совокупность врожденных и сформированных качеств и накопленный определенный уровень знаний, образования, навыков, способностей, мотиваций, энергии, культурного развития, как конкретного индивида или группы людей, так и общества в целом, которые целесообразно используются в той или иной сфере общественного воспроизводства и чье формирование требует затрат индивида, общества и государства. Эффективность функционирования и степень отдачи от применения человеческого ресурса обусловлены свободными волеизлияниями его владельца, индивидуальными интересами, предпочтениями и ценностями, культурным и морально-нравственным уровнем.

В теории управления существует классическая схема, согласно которой планирование человеческих ресурсов включает в себя три этапа: 1) оценка наличных ресурсов; 2) оценка будущих потребностей; 3) разработка программы

удовлетворения будущих потребностей. Определив будущие потребности, руководящие структуры должны разработать программу их удовлетворения. Потребности — это цель, программа — средство ее достижения. В сфере политики это означает, что в условиях глобального рынка для того, чтобы осознать и реализовать свои конкурентные преимущества, общество и государство должны совместными усилиями определить векторы стратегического социально-экономического развития и провести анализ будущих потребностей в человеческих ресурсах. Главным конкурентным капиталом страны, главным источником ее развития являются люди. И для того, чтобы сделать страну сильной и богатой и занять достойное место на мировой арене, необходимо развивать главным образом накопленные человеческие ресурсы.

Проявляется четкая зависимость между экономическим потенциалом страны и динамикой человеческих ресурсов. В частности, существуют экономические модели, способные определить влияние человеческого потенциала на экономическое развитие общества.

Одна из важных разработок в области управления человеческими ресурсами связана с созданием программ и методов повышения качества трудовой жизни и качества жизни в целом. На практике качество жизни определяется возможностью людей реализовать свой потенциал человеческого существа. Реальная возможность означает наличие реального выбора, который возникает, когда человек располагает определенными социально-экономическими (достаточный доход, образование, хорошее здоровье) и политическими условиями (наличие определенного уровня гражданских прав и свобод).

Проблема повышения качества жизни тем более сложна, если принимать во внимание постоянную высокую положительную динамику стресса, являющуюся общемировой тенденцией.

Эффективное управление человеческими ресурсами невозможно без адекватной информации. Поэтому отделы человеческих ресурсов (в бизнес-структурах) регулярно собирают данные, характеризующие различные аспекты состояния персонала организации, и проводят их детальный анализ, то есть проводят постоянный мониторинг динамики человеческих ресурсов в рамках организации. Часто такие данные называют статистикой человеческих ресурсов. Статистика человеческих ресурсов предоставляет информацию о различных сторонах управления персоналом — производительности, издержках на рабочую силу, профессиональном обучении, динамике рабочей силы. Каждая организация использует собственные показатели, отражающие специфику ее деятельности и традиции. Однако существуют общие принципы такого анализа, которые могут быть применены и для оценки человеческих ресурсов, входящей в задачи публичного администрирования: во-первых, соотношение производственных и непроизводственных работников; во-вторых, возрастная структура; в-третьих, образовательная структура; в-четвертых, половая структура; в-пятых, текучесть кадров, обратно пропорциональная стабильности организации; в-шестых, показатель абсентеизма; в-седьмых, показатель мобильности. Сегодня существует огромное количество

во методов анализа статистических данных, которые могут и должны использоваться для управления человеческими ресурсами. В основе всех этих методов лежат два принципа — сравнение с внешней средой (конкурентами, отраслью, страной) и с собственной исторической динамикой.

В рамках целого общества динамику человеческих ресурсов отслеживать гораздо сложнее. Динамика человеческих ресурсов в том или ином обществе может быть оценена по разным направлениям (или активам): ресурс здоровья, образовательный, интеллектуальный, трудовой, социальный ресурсы. Существуют различные формы, в которых воплощены человеческие ресурсы: образовательный ресурс, ресурс здоровья, трудовой ресурс воплощены в человеке; интеллектуальный ресурс воплощен как в человеке, так и в физических, материальных формах; социальный ресурс представляет собой институты, содействующие эффективно-му использованию человеческого ресурса.

В общем виде динамика человеческих ресурсов на мировом уровне отслеживается уже четыре десятилетия. Индекс развития человеческого потенциала (Human Development Index, HDI) вычисляется экспертами ООН с 1970 года. Индекс развития человеческого потенциала передает сложную трехмерную картину развития человека. Он оценивает возможность долгой и здоровой жизни (измеряется показателем средней ожидаемой продолжительности жизни при рождении), получения образования (измеряется уровнем грамотности взрослого населения и охвата населения начальным, средним и высшим образованием) и поддержания достойного жизненного уровня (измеряется показателем дохода по паритету покупательной способности — ППС). Индекс не является всеобъемлющим мерилем развития человека. В частности, в него не входят такие индикаторы политической жизни, как соблюдение прав человека, демократических свобод и социального равенства.

В зависимости от величины индекса ООН условно делит страны мира на три категории: с высоким, средним и низким уровнем развития человеческого потенциала. В первую группу, как правило, попадают страны Западной и Центральной Европы, а также наиболее развитые страны Азии, Ближнего Востока и Америки. В третьей обычно оказываются большинство стран Африки, а во второй — государства, которые принято причислять к развивающимся, в том числе из СНГ. За индекс идеального для проживания граждан государства принимается 1 балл, и чем ближе в рейтинге к единице этот показатель, тем ближе страна к идеалу.

По рейтингу развития человеческого потенциала ООН (HDI) в 2007 г. Россия заняла 67-е место, причем впервые вошла в первую группу стран. Из стран бывшего СССР Россию обошли Литва, Эстония, Латвия (43—45 места соответственно) и Белоруссия (64-е место). В ООН поясняют, что белорусы хоть и живут беднее россиян (\$7918 на душу населения против \$10 845 в РФ), зато в среднем дольше (68,7 лет против 65); неграмотных в Белоруссии меньше на две десятые процента, чем в РФ. Попадание в «высшую лигу» России эксперты ООН объясняют выросшим на 6% ВВП на душу населения (в большинстве стран мира этот показатель составляет от 0,5 до 2% ВВП). С учетом отставания рейтинга на два

года, можно сделать уверенный прогноз, что Россия в ближайшее время будет только подниматься в рейтинге и не покинет группу стран с развитым человеческим потенциалом. Проблема в низкой адресности социальной помощи, которая при колоссальных социальных затратах не дает России полноправно называться социальным государством.

Однако помимо экономического роста и борьбы с инфляцией должны развиваться другие институциональные и экономические основы человеческих ресурсов России, в частности в сфере социальной политики, которая означает не только помощь нуждающимся, но и инвестиции в будущее человека, в его здоровье, в его профессиональное, культурное, личностное совершенствование:

— дальнейшее реформирование системы социальной поддержки для более адресной социальной помощи и недопущения распространения системной бедности (сегодня это 9—10% российских семей). Высокий уровень бедности в России (по разным оценкам от 30 до 40% населения) — это проблема не только имущественного расслоения и социальной напряженности, но и невозможности эффективного воспроизводства человеческого капитала. Создание системы адресной социальной помощи — вопрос не дополнительных средств, а повышения эффективности государственного управления;

— перенесение акцентов с лечения болезней на их профилактику. В настоящее время фиксируются следующие тенденции развития демографической ситуации в России: постепенный рост рождаемости, снижение количества смертей от сердечно-сосудистых заболеваний и от отравлений алкоголем, но в то же время, увеличение количества смертей в дорожно-транспортных происшествиях;

— превращение миграции в фактор формирования и воспроизводства населения, развитие инфраструктуры адаптации и ассимиляции мигрантов, психологическая подготовка россиян к притоку мигрантов для компенсации численности работоспособного населения. Все эти меры предусмотрены «Концепций демографического развития РФ» 2001 года, однако не нашли своего воплощения;

— переход к повышению качества жизни;

— снижение дифференциации доступа к полноценному образованию в зависимости от социальной принадлежности, доходов и места жительства граждан;

— решение проблем сохранения профессионального потенциала российской экономики через изменение государственной политики в области управления человеческими ресурсами (их рационального использования и развития), а именно обеспечение конкурентоспособности российской рабочей силы на национальном и международном рынке труда через развитие системы соответствующего профессионального обучения, отвечающего запросам рынка;

— разработка государственной системы защиты профессионализма квалифицированных работников и интересов работодателей как потребителей рабочей силы через разработку государственных профессиональных стандартов и создание механизма сертификации работников, создания и развития национальной системы профориентации и психологической поддержки населения.

В.Г. Иванов

**ОСНОВНЫЕ ГЛОБАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ
ГОССЛУЖБЫ КАК ВЫЗОВ ПРОЦЕССУ МОДЕРНИЗАЦИИ
ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В РФ**

Повышение эффективности государственной политики невозможно без реформ и развития госслужбы. Основу этой реформы составляет развитие человеческих ресурсов госслужбы — управленцев. В то же время бюрократия не должна превращаться в самодовлеющую машину. Роль госаппарата в критические периоды, подобные современному, чрезвычайно важна. Проблема роли чиновничества в эпоху политической трансформации — одна из ключевых, но, как можно видеть и из истории и из современных политических преобразований, универсального алгоритма ее решения до сих пор не найдено, а возможно, вообще не существует.

Сразу оговоримся, что речь идет главным образом о высшем и среднем чиновничестве, т.е. о разных уровнях бюрократической элиты, а не о «клерках» (хотя роль последних тоже велика). Именно этот слой оказывает непосредственное влияние на разные аспекты жизни и на самый уклад российского общества.

В любой системе социального управления непосредственно или в конечном счете люди управляют людьми. Это относится и к государственному механизму. Без персонала он представлял бы собой безжизненные структуры, правовые статусы и схемы взаимосвязей. Поэтому, как бы совершенна ни была система органов исполнительной власти, основу их эффективного функционирования составляет деятельность государственных служащих. Вообще для исполнительной ветви государственной власти характерно то, что она осуществляет свои функции посредством специального аппарата. В свою очередь, сам государственный служащий — необходимое, очень важное звено в системе управления. Именно от него зависит, будет ли государственная машина эффективно и бесперебойно работать или станет постоянно пробуксовывать. Т.о., государственная служба — важнейший инструмент государства, которому отводится особая роль в реализации стратегии и тактики реформ. Любое демократическое общество не только поддерживает на должном уровне институт государственной службы, но и постоянно совершенствует его, понимая, что именно от него в решающей степени зависит эффективность функционирования общества.

Учитывая теснейшую взаимосвязь и взаимозависимость исполнительной власти и государственной службы, можно с уверенностью говорить, что повышение эффективности исполнительной власти находится в прямой зависимости от качества корпуса государственных служащих. Правда, в последние годы поддерживать его на достаточно высоком уровне практически не удастся.

Существует и хорошо заметно большое число внутренних, чисто российских факторов и причин снижения качества работы административной системы. Однако кроме них существуют еще и распространенные современные глобальные тенденции трансформации государственной службы. Россия тоже включена в глобальные процессы, а потому многие тенденции ее также затрагивают. Назовем основные мировые тенденции развития госслужбы.

В целом традиционная модель государственного управления испытывает сейчас в мире определенный «кризис легитимности», т.е. падение доверия граждан к ней, к ее «человеческой составляющей» — чиновничеству, а также к ее принципиальной способности эффективно реагировать на «вызовы» сегодняшнего и тем более завтрашнего дня. В связи с этим понизился социальный престиж государственной службы и соответственно общественный статус самих служащих. В ответ на это изменение обращенных к аппарату управления общественных ожиданий происходит серьезное переосмысление концептуальных основ административной организации. Так, получают популярность идеи т.н. «постбюрократической организации», т.е. отказа от традиционной иерархической структуры управления в пользу горизонтальных отношений партнерства, кооперации, рыночного обмена в сфере управления, перехода от «логики учреждения» к «логике обслуживания» и пр. Однако выявились, и в том числе в России, негативные стороны этих мероприятий, издержки расчета на рыночные механизмы как на ключ к решению проблем государственного управления, размывание специфики госслужбы как института общественного служения и, соответственно, дискредитация самих ее работников как людей, занятых удовлетворением общественных потребностей, а не просто являющихся особой категорией коммерческих агентов.

Важная современная тенденция, имеющая глобальный характер — т.н. «новый менеджеризм». Как отмечают Дж. Хигли и М. Бартон, произошли значительные изменения этических норм государственной службы. Этические стандарты госуправления становятся весьма похожими на присущие бизнес-менеджменту, а нормативные различия между этими двумя сферами стираются. Происходит переход от ценностей гражданственности, равенства, представительства, ответственности и нейтральности — к ориентации на потребителя, на эффективность, соревновательность, менеджеризм и партнерство. Уже давно высказываются оправданные опасения, что смещение этических акцентов госслужбы в сторону принятых в бизнесе принципов идет вразрез с традиционными для этой области идентичностью, легитимностью и моралью. В рамках новой концепции госслужбы граждане рассматриваются, прежде всего, в качестве потребителей, а принципы равенства и представительности заменяются на эффективность и соревновательность. Демократические нормы государственной ответственности уступают принципам автономности общественной сферы, а вместо традиционно присущего госслужбе принципа справедливости утверждается модель партнерства. Эрозия этики госслужбы и ее замена нормами бизнеса может привести к ситуации, когда трудно будет обнаружить различия между государственными учреждениями, предназначение которых — служить обществу, и структурами бизнеса. Здесь необходимо отметить, что описанный выше процесс во многих странах ведет не только к замене прежних принципов функционирования госслужбы на присущие бизнесу, но и на явно криминальные. Налицо криминализация как госслужбы, так и крупного бизнеса.

Госуправление все более становится похожим на менеджмент, публичная политика — на маркетинг. Происходит «маркетизация» политики. В то время как

политические «связи с общественностью» превращаются в маркетинг, тот становится настоящей политикой. Все больше стирается и грань между государством и бизнесом, экономикой и политикой, политической пропагандой и маркетингом, этикой госслужбы и менеджментом.

К счастью, изменения идут не только в этом направлении. Осознана первоочередная роль в управлении, в том числе и государственном, культурных факторов, формирования новой культуры государственной службы. Так, план реформы госслужбы, предложенный правительством Канады, на 10% состоит из изменений в области законодательства, на 20% — из новаций в структуре и функциях органов и на 70% — из улучшения культуры взаимоотношений и атмосферы государственных учреждений. Магистральным направлением совершенствования культуры государственной службы стала ее «этизация», т.е. повышение внимания к морально-этическим аспектам поведения государственных служащих. Так, во многих странах существует или вводится в действие кодекс поведения служащего, включающий, как правило, и правовые, и нравственные нормы. Считается, что без этического компонента любые административные реформы имеют мало шансов на успех.

Еще одна сторона процесса принципиальных изменений в государственной службе — это ее поворот в сторону населения. Гражданин рассматривается более не как «управляемый», а как своего рода «клиент» государственных учреждений. Из статуса «подопечного», «просителя» он переходит в статус реализующего свои права потребителя предоставляемых ему государством услуг. Отсюда приобрели новую актуальность вопросы прав гражданина в отношениях с государством и гарантий их соблюдения, а также участия в управлении, открытости административной организации, ее «отзывчивости», приближения к людям, доступа граждан к информации и т.п. Заметим, что в этом отношении бюрократическая система в нашей стране продвинулась слабо.

Частичный пересмотр основных принципов госслужбы, происходящий в последние десятилетия на Западе, проявляется также в уменьшении роли вертикальной административной иерархии, развитии функциональных органов, «плоских» структур и т.п. Нашу страну этот процесс также затрагивает слабо.

Относительно новое и беспокоящее многих явление — рост влияния почти неподконтрольной гражданам и даже национальным правительствам наднациональной бюрократии — служащих международных организаций. Этот процесс, совпадающий с возникновением и широким распространением, в том числе и в нашей стране, транснациональной элиты представляет собой сравнительно новый и в то же время очень актуальный вызов.

Интересное решение данной проблемы предлагает сравнительно-институциональный подход. Концептуально он отвергает неоутилитаристское видение роли государства, согласно которому вмешательство государственной бюрократии в экономику неизбежно ведет либо к удушению предпринимательской деятельности, либо к непродуктивному повсеместному стремлению государства взимать ренту. Сравнительно-институциональная школа указывает, что государство ответственно за социальную, экономическую и политическую трансформацию.

В частности, экономическая роль является одним из источников легитимности государства и его важной функцией. Своими корнями сравнительно-институциональный подход уходит в исследования М. Вебера о бюрократии, обращаясь к его идее о том, что «капитализм и бюрократия нашли друг друга и сокровенно принадлежат друг другу». По М. Веберу, развитие капиталистического рынка зависит от рационального поведения современной бюрократии, представители которой рассматривают преследование общих корпоративных целей как наилучший способ обеспечения личных интересов. Как отмечают представители этого подхода, в успешно развивающихся странах «позднего» возникновения промышленности и рыночных институтов государству пришлось играть роль «инвестирующего банкира», т.е. создавать финансовую сеть, аккумулировать дополнительный капитал, направлять его в технологические отрасли и тем самым брать на себя наиболее рискованные экономические операции. В таких странах государство зачастую единственный институт, способный подтолкнуть нерешительный частный капитал к активной предпринимательской деятельности на благо всего общества и стимулировать эту деятельность.

Подчеркивая значение преобразовательской роли государства, сравнительно-институциональный подход переносит фокус полемики с вопроса о том, «сколько вовлеченности государства в экономику полезно», на вопросы о том, какие типы вмешательства возможны, каковы их последствия и каковы условия успешного вмешательства. В решении новых вопросов сравнительно-институциональный подход исходит из посылки о том, что успех общественного развития зависит от характеристик государственного аппарата и его отношений с различными социальными группами во время выработки и реализации социально-экономической политики.

П. Эванс, один из основных представителей этого подхода, на основе компаративного анализа ряда государств предложил собственную концепцию их классификации, представляющуюся нам актуальной для данного исследования. П. Эванс выделяет два «идеальных типа»: это — «хищное государство» и «развивающее государство». «Хищное государство» извлекает ресурсы из общества и подрывает развитие даже в узком смысле накопления капитала, при этом оно коррумпировано и не в состоянии заставить должностных лиц не преследовать в первую очередь свои личные цели. «Развивающее государство» не только номинально возглавляет экономическое и социальное развитие, но и играет в нем важную роль. Внутренняя организация «развивающих государств» гораздо ближе к «веберовскому» типу бюрократии. В ее основу положены принципы выборочного меритократического подбора и долгосрочности карьер, строгой дисциплины, высокого социального статуса госслужащих, ценностной мотивации и продуманной государственной заботы о них, что стимулирует чувство корпоративной солидарности. Такое государство тесно связано с обществом, существуют институциональные каналы для обратной связи.

Всего П. Эванс выделяет четыре роли государства при реализации социально-экономической политики, которые, прежде всего касаются диалога власти

и бизнеса: «страж», «творец», «посредник», «фермер». «Страж» и «творец» представляют собой обычные роли регулятора и производителя, «посредник» и «фермер» — более сложные роли.

«Государство-страж» — исключительно регулятор. Его функции ограничиваются запрещением определенного поведения и наведением порядка в каком-либо секторе экономики. Преобразовательный потенциал такой роли низок.

«Государство-творец» вовлечено в производительную деятельность, конкурируя с частным сектором или даже заменяя его. Государство призвано динамично и рационально мобилизовать ограниченные ресурсы, привлечь новые технологии и быстро вывести экономику на уровень самодостаточного промышленного роста. При этом национальный частный капитал рассматривается как неспособный стать инициативным преобразователем, а транснациональный капитал — как незаинтересованный в развитии местной экономики. Стратегия государства-творца может вести к государственной экспансии за пределы целесообразности, рискуя вторгнуться в такие секторы, где государственные фирмы не способны эффективно функционировать.

«Государство-посредник» пытается стимулировать появление новых предпринимательских групп или подвинуть существующие группы на новые проекты, используя набор инструментов, нацеленных на снижение степени их риска.

«Государство-фермер» берет на себя функции перманентной поддержки и подталкивания частного капитала. Оно может брать на себя риск научных и инженерных исследований, разрабатывает стратегию и пр.

Н.С. Юханов

**ПОЛИТИЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ
КАК ФАКТОР ОПТИМИЗАЦИИ СИСТЕМЫ
АДМИНИСТРАТИВНО-ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ**

Политическое консультирование — интеллектуальное сопровождение политических кампаний, которые представляют из себя реализуемое на определенном отрезке времени спланированное публичное мероприятие по легитимизации или делегитимизации власти политического актора посредством реализации коммуникативных технологий. В этой связи политическая коммуникация как фактор публичного администрирования представляет собой не только инструмент, благодаря которому политик вступает в двустороннюю связь со своим избирателем, но и является смысловым аспектом взаимодействия субъектов политики путем обмена информацией в процессе политической борьбы, которая неразрывно связана с формированием символического представления о власти.

Вплоть до начала 1980-х годов специалисты в области политических наук уделяли мало внимания феномену политического консалтинга, изучением которого занимались либо журналисты и маркетологи, описывающие это сложное явление в русле одномерных инструменталистских подходов, либо теоретики в области электорального поведения, рассматривающие избирательные системы и процессы в рамках политической психологии, бихевиоралистских теорий, школы рационального выбора. Примечательно, что субъектами их исследований бы-

ли только кандидаты и избиратели. Сциентистские модели электорального поведения, получившие распространение в зарубежной политологии, имели весьма опосредованное отношение к практике и были так же далеки от определения места и роли политического консультирования, как и труды специалистов по связям с общественностью, пришедших в эту новую область деятельности из бизнес-среды. Ученые в силу отсутствия эмпирической исследовательской базы не могли описать институт политического консультирования, а практики не заходили в своих исследованиях дальше совета, как победить на выборах. Содержательная и концептуальная сторона политического консалтинга оставалась в стороне от фокуса научных поисков представителей академической политологии.

Журналисты вообще в свойственной им прагматичной, а иногда и откровенно циничной форме преувеличивали влияние консультантов на политическую систему, демонизируя их образ, дискредитировали институт выборов как формы участия граждан в политике.

Проблема политического консалтинга остается пока плохо изученной на теоретическом уровне. Даже на Западе многие последние эмпирические исследования в политической науке не поспевают за постоянно растущей и влиятельной индустрией, а те исследования, которые выходят из-под пера практиков, переполнены публицистикой и «журнализмами»; наблюдается также лавина некачественной литературы, в фокусе внимания которой преобладают примитивные инструменталистские подходы. Тем не менее, за последние 10 лет некоторые политологи сделали неплохую попытку анализа «инсайдеровской» эмпирической информации, соединив ее с методологией политической коммуникации и бихевиорализма. Эти работы пока не переведены на русский язык, а это существенно осложняет развитие данной субдисциплины политического знания в России.

Шумная известность и большие гонорары сделали специалистов в сфере управления политической коммуникацией по-настоящему привлекательными игроками политического поля, но близость к власти, завеса секретности и некие сакральные знания, которые обыватели приписывают политическим консультантам, способствовали некой мистификации данного вида политического ремесла. За консультантами быстро закрепилась слава и репутация всесильных управленцев электоральным поведением, которыми они никогда не являлись. На самом деле политическое консультирование имеет ограниченные возможности управления поведением избирателей. Во-первых, многие избиратели остаются лояльными своим политическим партиям, в силу того что политическое сознание граждан формируется в процессе социализации на ранних стадиях развития, а поэтому электоральное поведение достаточно трудно поддается влиянию, а во-вторых, избиратели воспринимают только те сообщения, которые не вступают в когнитивный диссонанс с их установками о политическом процессе, в противном случае эффект минимален и имеет краткосрочную перспективу.

Пионерская работа Л. Сабато положила начало академическому исследованию политического консультирования. В труде ученого была сделана попытка

проанализировать деятельность новых электоральных игроков, стоящих за кулисами предвыборной борьбы.

Будучи выдающимся и известным политическим аналитиком, Л. Сабатто изучил это сложное и многогранное явление, используя в своем новаторском исследовании не только теоретические выкладки из сферы политической коммуникации, характерные для большинства авторов того времени, но и провел серию глубинных интервью с наиболее известными представителями политического консалтинга в США.

Главным итогом научных поисков ученого было четкое определение политического консультирования и деятельности политического консультанта как обладателя уникальной коммуникативной технологии сочетания «рациональности, денег и таланта», а не мудреца, обладающего сакральными знаниями. Для автора диссертации политический консалтинг — это не просто институт, объединяющий экспертов в области организации политической коммуникации, но и талантливый эффективный менеджмент политических кампаний.

Другой крупный американский исследователь политического консалтинга Д. Ниммо в методологическом плане пошел по стопам Л. Сабатто. Он определил консультанта как «специалиста по организации коммуникации в рамках политической кампании, которая перестала быть полем битвы кандидатов и партий, а стала местом конкурентной борьбы между титанами консалтинговой индустрии». Под политической кампанией он подразумевал прежде всего «процесс эффективной имплементации политических, информационных, финансовых, административных и других ресурсов в конкурентной политической борьбе за голоса избирателей». Схожее определение дал американский политолог Давид Летолд, однако автор ввел еще и понятие электорального ресурса, которое включало в себя личностные характеристики кандидата, поддержку политических партий и заинтересованных групп, преданную и профессиональную команду, использование актуальных проблемных тем кампании.

Ш. Медвек, наиболее популярный специалист среди политических маркетологов, определял консалтинг как вид деятельности, инициированный политической кампанией и предполагающий оказание услуг и предоставление советов на основе экспертизы в заданной области специализации профессионала и анализ политического поля, в особенности его информационно-коммуникативной среды.

В 80-е и 90-е годы XX в. список научных исследований политического консалтинга существенно пополнился, но снова преимущественно за счет работ американских политологов, в центре внимания которых оказалось влияние данного института на изменение доминирующих стратегий электорального поведения. Тем не менее, вплоть до сегодняшнего дня формирование самостоятельной субдисциплины политической науки, исследующей феномен политического консультирования, не вполне завершено. Как известно, исследуемая проблематика имеет междисциплинарный характер и затрагивает в рамках различных субдисциплин политической науки такие направления, как электоральное поведение,

теория партий, политическая коммуникативистика, политическая социология, политический маркетинг и связи с общественностью. Приходится признать правоту слов эксперта по коммуникациям Х. Кейден, отметившей, что теория консалтинга опять не поспевает за политической практикой.

Трудности в определении политического консультирования как предмета теоретического исследования в политологии, на наш взгляд, связаны, прежде всего, с отсутствием устоявшегося терминологического аппарата, описывающего данное явление. По-прежнему нет четкой ясности в отнесении данного концепта к определенным теоретико-методологическим подходам, устоявшимся в политических науках.

Большинство российских ученых определяли политическое консультирование как профессиональную деятельность по интеллектуальному и организационному обеспечению политических кампаний. В этой связи технологиями сопровождения подобных кампаний будут такие методы, которые позволяют сделать процесс политической коммуникации максимально управляемым в условиях конкурентной политической борьбы за предпочтения потенциальных избирателей и активных групп граждан.

В соответствии с кибернетическим направлением политический консультант — это эксперт по управлению информационными потоками, который прекрасно осведомлен о состоянии общественного мнения и может дать квалифицированный совет по оптимизации принимаемых политических решений через тщательный анализ политического сознания и системы убеждения. Политический консалтинг предполагает наиболее оптимальный ответ, удовлетворяющий вызовы и запросы граждан, который материализируется в политике через создание эффективной стратегии коммуникации между властью и обществом.

Однако не следует понимать консультанта как доминирующего субъекта управления политической коммуникацией. Отчасти те задачи и функции, которые выполняют данного рода специалисты, могут быть решены в рамках информационно-аналитических структур при органах государственной власти, политических партий, рекламных и пиар-агентств. Тем не менее, появление политических консультантов было вызвано запросом на более эффективное и независимое управление политической коммуникацией. Тут трудно не согласиться с известным специалистом по политическому маркетингу Е.Г. Морозовой, утверждавшей, что подобного рода специалисты компенсировали слабость традиционных, т.е. партийно-политических, методов реализации лидерства.

Практика второй половины XX века показала, что консультант прекрасно может чередовать пропагандистские, маркетинговые и пиар-технологии в той степени, которая будет в лучшей мере отражать интересы политических лидеров и социальных групп, на которые направлена коммуникационная стратегия. Стоит отметить, что в динамике, начиная со второй половины XX века, консалтинг постепенно превратился из уникального в универсальное политическое явление. Известно, что в США почти все политические кампании — от национального до локального уровня власти — не обходятся без участия данного рода специали-

стов. Подобная логика развития политического процесса характерна и для современной России.

С каждым годом политические консультанты играют все большую роль в определении стратегии и выборе ключевых тем позиционирования кандидата в сознании избирателей. Сила этих профессионалов заключается в доступе к кандидату, в острой психологической востребованности, которую испытывают политики по отношению к специалистам по коммуникациям, в их способности внести порядок в хаос предвыборной кампании.

Целый ряд отечественных и западных политологов считают политических консультантов скорее бизнесменами, чем идеологами, появление которых связано с кризисом партийных систем, проблемой легитимности политических лидеров в условиях развития информационного общества, ростом влияния масс-медиа, установлением новой и более прозрачной системы финансирования политических кампаний. Типичная для современного обывателя политическая кампания с изобилием слоганов, креативных политических рекламных роликов разрабатывается на основе тщательных исследований общественного мнения, матриц политической культуры и поведения, изучения медиарынков и целевых аудиторий.

Как отмечает преподаватель по политической коммуникации Университета Луизианы Д. Перлматтер, политическими процессами управляют консультанты, пришедшие на смену партийным боссам, именно этот класс людей определяет стратегию современных выборов и влияет на формирование публичной политики. Но главная их задача состоит в гармонизации интересов избирателей и политических лидеров, которой они достигают путем использования общего семантического поля и зон пересечения гражданского и политического самосознания. Из работ этого известного политолога становится ясно, что консультанты предпочитают работать на тех кандидатах, чьи взгляды они разделяют.

Для того чтобы лучше понимать предмет исследования, необходимо дать определение политической кампании, которая, на наш взгляд, является ограниченным во времени, спланированным публичным мероприятием по легитимизации или делегитимизации политического субъекта посредством реализации коммуникативных технологий. В этой связи политические консультанты — это не только создатели и продавцы продвинутых политических технологий, но и профессионалы в области проведения политических кампаний, оказывающих целый ряд услуг в сфере управления политической коммуникацией — стратегические модераторы и создатели информационных потоков в режиме реального времени.

На Западе сила политических консультантов растет. Еще в 50-х годах XX столетия политтехнологи не были вовлечены в процесс принятия политических решений, но уже на современном этапе они нанимаются не только для ребрендинга партий, создания яркого имиджа кандидату, информационно-аналитического обеспечения избирательных кампаний, но и для реорганизаций политических структур, рекрутинга политических лидеров, участия в выборе политического курса развития страны. Широко известен тот факт, что президент

Р. Никсон был отобран профессионалом Роем Дэйем и с его помощью сделал свои первые шаги в политике.

Индустрия политического консалтинга разрослась в многомиллиардный бизнес и стала неотъемлемой частью электорального процесса во многих странах мира. К середине 1990-х годов многие консалтинговые фирмы расширяли зону своего влияния, получая подряды сразу на несколько избирательных кампаний одновременно. Необходимо понимать, что индустрия политического консалтинга имеет три технологических уровня: *стратегический, уровень специализации и сектор услуг*.

Стратегический уровень предполагает разработку послания для электорального актора, разработку ключевых тем и актуальных проблем избирательной кампании, информационно-аналитическое обеспечение деятельности избирательного штаба. На стратегическом уровне работают консультанты-универсалы, менеджеры, медиаконсультанты, социологи, специалисты по публичным реляциям. В случае, когда на стратегическом уровне имеет место эффективная координация действий всех основных применяемых технологий, можно говорить об эффективной кампании по «охоте за голосами».

На уровне специализации обеспечивается необходимый и обязательный сервис по сопровождению избирательной кампании. Сюда относятся специалисты по фанд-райзингу, исследователи, спичрайтеры, активисты, сборщики подписей и т.д. Весь перечень услуг на данном уровне важен для осуществления избирательной кампании, но не формирует ее стратегическую повестку, потому как на данном технологическом этапе не принимаются стратегические решения, оказывающие влияние на электоральный процесс.

Сектор услуг занимается обеспечением избирательной кампании сервисом, необходимым для функционирования избирательного штаба. Сюда относятся специалисты по компьютерным технологиям, веб-дизайнеры, верстальщики, специалисты по логистике, администраторы, курьеры и т.д. Принципиальное отличие от других уровней индустрии политического консалтинга заключается в том, что в секторе услуг может работать специалист, не искушенный в политике, обладающий узкоспециализированными знаниями и технически поддерживающий политическую кампанию, инициированную политтехнологом.

На современном этапе политконсультанты — это не просто носители редких коммуникационных технологий по обслуживанию власти, но и активные политические игроки, вовлеченные в процесс принятия политических решений, реорганизацию и ребрендинг политических партий. Они также ответственны за рекрутинг политических лидеров, а с ростом публичности данных специалистов наблюдается и усиление их влияния на события общественно-политической жизни. Все чаще можно наблюдать закрепление за политконсультантами роли главных интерпретаторов и разработчиков политического курса развития страны.

Через реализацию функций активизации и мобилизации различных электоральных групп происходит стимулирование интереса общества к политической системе, увеличение внимания к информации со стороны политических лиде-

ров. Специалисты по управлению процессом коммуникации все больше отвечают за формирование политических установок граждан.

Анализ функциональных и практических сторон деятельности политического консультанта показал важность управления электоральным поведением через технологии продвижения политического товара на рынке за счет использования интегрированных маркетинговых коммуникаций, дающих кумулятивный эффект воздействия на социальные группы.

Анализ политического консультанта как субъекта политического процесса, определяющего параметры политической сцены, показал, что специалист в данной области является представителем политической элиты, а структура его работы заключается в подборе и проецировании ситуативных электоральных действий на основе личного опыта, полученного от участия в предыдущих политических кампаниях. Это означает, что специалист по политическим коммуникациям высокого класса должен быть способен построить идеально подходящую модель на основе генерализации факторов, повлиявших на стратегию и тактику предыдущих избирательных кампаний, создать условия для максимально эффективной имплементации удачных электоральных решений, способных привести кандидата к победе или существенно повлиять на расстановку сил.

Компаративный анализ политического консультирования в России и США высветил сходства и различия в деятельности отечественных и зарубежных специалистов в сфере политической коммуникации. Во-первых, происходит дифференциация и специализация в сфере политического консалтинга, идет очевидное сокращение количества консультантов-универсалов. Во-вторых, ролевые функции, выполняемые западными и отечественными политическими консультантами, примерно одинаковы, что позволяет говорить об универсальности инструментария российских и зарубежных политических консультантов. В-третьих, анализ данных, полученных в результате социологических исследований, позволяет говорить о высокой степени корреляции между заявленными позициями американских и российских специалистов по проведению политических кампаний. Обе группы заявляют о приоритетности нематериальных факторов и вторичности финансового ресурса. В-четвертых, так же, как и американские специалисты, первые российские политконсультанты приходили в этот бизнес из сферы социологии, журналистики, реальной политической практики.

Можно также выделить и ряд принципиальных различий. Американские политические консультанты работают в уже устоявшейся политической и партийной системе, тогда как в России зарождение и развитие новой отрасли проходило в условиях отсутствия сильных политических партий. К тому моменту, как стали активно работать эксперты по политической коммуникации, партийная система была крайне неустойчивая, и многие консультанты воспринимали политические партии как одноразовые проекты по сбору голосов избирателей. В России партии и политический консалтинг появились одновременно. Второе отличие состоит в том, что российские и американские политические консультанты работают в разных политических средах, а с приходом к управлению государством В. Путина идет выстраивание моноцентричной политической сис-

темы, которая позволяет доминировать одной «партии власти» на политической сцене. Отмена выборов по одномандатным округам и переход фактически к назначению губернаторов существенно трансформирует рынок политконсалтинговых услуг в сторону его сужения. Тем не менее, говорить о бесперспективности данного ремесла не приходится. Российские политические консультанты стремительно начинают осваивать новые процедуры лоббистской деятельности, принимают активное участие в кампаниях по выборам в региональные законодательные собрания, значимость которых неуклонно растет.

Многие операторы успешно начинают осваивать новые рынки, а российский консалтинг становится постепенно неотъемлемой частью международного. Примечательно, что наиболее часто российские политические консультанты участвовали в политических кампаниях на Украине, в Казахстане, Молдове, Грузии, Латвии, то есть на постсоветском пространстве. Лидирующие позиции данных стран объясняются, видимо, не только географической близостью с Россией, но и схожими политическими системами и избирательными правилами. Если сравнивать зарубежную деятельность отечественных и западных политических консультантов, то можно выделить еще одно значимое отличие: деятельность иностранных политических консультантов более глобальна и не ограничивается постсоветским пространством. В этой связи задача отечественных политических консультантов — не упускать инициативу по освоению заказов на постсоветском пространстве и активно бороться за эту нишу. Учитывая близость культурных и исторических связей, лучшее в сравнении с западными специалистами понимание специфики политического поля, превосходное владение технологическим инструментарием и наличие поддержки со стороны действующих российских властей, отечественные политконсультанты имеют очевидные конкурентные преимущества, которые необходимо развивать.

**THESIS OF THE ROUND TABLE:
«THE MANAGEMENT OF COMPETENCE: THE STRATEGIES
OF MANAGEMENT OF HUMAN RESOURCES»**

The Department of Comparative Politics
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 10a, Moscow, Russia, 117198

РЕЦЕНЗИЯ
НА УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ «ПОЛИТОЛОГИЯ»*
И УЧЕБНИК «ПОЛИТОЛОГИЯ»**
для студентов вузов, подготовленный коллективом авторов
под общей редакцией доктора политических наук,
профессора В.К. Мокшина (Архангельск, 2007; Москва, 2008)

Д.Е. Слизовский, А.М. Ушков

Кафедра политических наук
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10а, Москва, Россия, 117198

Политические трансформации в современном российском обществе ставят новые задачи перед высшей школой. Сохраняется и актуализируется острая потребность в осмыслении политических процессов в нашей стране и в мире. Овладение основами политической науки и демократической культуры является важнейшим условием современных реформ в России. Происходящие процессы предъявляют более высокие требования к знаниям и умениям студентов. Попыткой ответить на подобные вопросы являются рецензируемые работы, подготовленные коллективом авторов под общей редакцией докт. полит. наук, профессора В.К. Мокшина. Учебник отвечает требованиям Государственного образовательного стандарта Российской Федерации, включает рекомендованные стандартом темы разделов и глав.

Во всех разделах учебника подобран актуальный материал, помогающий обстоятельно и интересно освещать основные проблемы зарубежной и отечественной политической науки, в доходчивой форме рассказывается о методологических проблемах, методах исследования политических явлений, ее предмета и основных категорий, функций политологии и ее места в системе общественных наук. Этот материал помогает осмыслить роль политологии и политики как важнейшего фактора упорядочивания совместной жизни людей, целенаправленных преобразований в нашей стране. Рассматриваются политические концепции в их развитии, взаимовлиянии и исторической преемственности.

Представлены также темы власти и властных отношений, политической системы и политических режимов, взаимодействия государства и общества, институциональных аспектов политики, политических процессов, в том числе электоральных, отношений политических акторов по поводу власти и других ресурсов, политических идеологий, геополитики и др.; нашли отражение проблемы, ставшие лишь относительно недавно предметом внимания российских политологов:

* Политология: учебное пособие / Под общ. ред. В.К. Мокшина. — Архангельск: Поморский государственный университет им. М.В. Ломоносова, 2007. — 431 с.

** Политология: учебник / Под общ. ред. В.К. Мокшина. — М.: Акад. Проект; Культура, 2008. — 607 с.

политическое лидерство, политические элиты, политический менеджмент и политический маркетинг, политические технологии, политическое прогнозирование, политическая модернизация российского общества, хронополитика.

Авторы отразили место и роль России в международных отношениях с учетом процесса глобализации современного мира. Российская противоречивая действительность не всегда укладывается в рамки классических западных политических теорий и поддается однозначным научным оценкам. Поэтому материал глав учебника приближен к российским реалиям, что позволяет студентам приложить эти знания к осмыслению политической жизни родных мест.

Теоретические положения и выводы авторов учитывают основные тенденции глобального и национально-государственного развития отличаются конструктивностью. Высокий профессиональный уровень присущ всем авторам, но по насыщенности научным материалом и интересному изложению следует, на наш взгляд, выделить главы о методологических аспектах политической теории, политической системе и ее структурных элементах, соотношении государственной политики и политической жизни общества, политической социализации, геополитике, политическом прогнозировании.

В соответствии с требованиями дидактики и методики каждый раздел содержит главы, разделенные на параграфы. Содержание глав и параграфов может стать предметом обсуждения на семинарских занятиях, докладов, рефератов. Показана актуальность темы каждой главы, раскрыты основные политологические понятия, используются межпредметные связи с социологией, историей, философией, экономикой, культурологией. Задания для самостоятельной работы студентов предполагают систематизацию и конкретизацию знаний. Студенты могут проверить свои познания с помощью вопросов для самоконтроля, помещенных в конце каждой главы. Указаны источники для пополнения знаний. В списках литературы приведены классические и современные научные труды, учебники и учебные пособия, необходимые для учебной и исследовательской работы в области политологии.

В процессе апробации учебного пособия возникла необходимость изменить структуру и расширить состав авторов, что и было сделано в учебнике: на 5 п.л. увеличен объем, обновлен состав рецензентов, ведущие преподаватели московских вузов составили половину авторского коллектива. Приятно отметить, что в их числе представлены сотрудники кафедры политических наук РУДН.

В качестве замечания авторскому коллективу следует отметить: в учебнике можно было бы поместить больше схем, таблиц, расширить словарь терминов, справочный аппарат для поиска имен и понятий.

Представленный учебник авторского коллектива преподавателей Москвы и Архангельска отвечает требованиям Государственного образовательного стандарта Российской Федерации и заслуживает присвоения грифа УМО «Рекомендовано в качестве учебника для студентов высших учебных заведений».

Рецензия обсуждена и утверждена на заседании кафедры политических наук РУДН.

**THE REVIEWS OF THE WORKBOOK «POLITICAL SCIENCE»
AND OF THE TEXTBOOK «POLITICAL SCIENCE»**

**for students prepared by group of authors
under edition of p. h. d. prof. V.K. Mokshin
(Archangelsk, 2007; Moscow, 2008)**

D.E. Slizovskiy, A.M. Ushkov

The Department of Political Science
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 10a, Moscow, Russia, 117198

НАШИ АВТОРЫ

Величко Светлана Анатольевна — доцент кафедры отечественной истории Омского государственного технического университета, кандидат исторических наук

Иванов Владимир Геннадьевич — ассистент кафедры сравнительной политологии Российского университета дружбы народов, кандидат политических наук

Казаринова Дарья Борисовна — старший преподаватель кафедры сравнительной политологии Российского университета дружбы народов, кандидат политических наук

Кинякин Андрей Алексеевич — ассистент кафедры сравнительной политологии Российского университета дружбы народов, кандидат политических наук

Круглова Евгения Вячеславовна — доцент кафедры политических наук Российского университета дружбы народов, кандидат политических наук

Кряжева-Карцева Елена Валерьевна — заместитель декана по информатизации и связям с общественностью факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов

Мчедлова Марина Мирановна — доцент кафедры сравнительной политологии Российского университета дружбы народов, кандидат философских наук

Почта Юрий Михайлович — заведующий кафедрой сравнительной политологии Российского университета дружбы народов, доктор философских наук, профессор

Сенин Роман Александрович — аспирант кафедры политологии Востока Института стран Азии и Африки при Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова

Слизовский Дмитрий Егорович — заместитель заведующего кафедрой политических наук Российского университета дружбы народов, доктор исторических наук, профессор

Ушков Анатолий Михайлович — профессор кафедры политических наук Российского университета дружбы народов, доктор философских наук

Юханов Николай Семенович — старший преподаватель кафедры сравнительной политологии Российского университета дружбы народов, кандидат политических наук